

Перлман Фреди.

Эссеистика

Американский теоретик, публицист и активист

- [Воспроизводство повседневной жизни](#)
- [Десять тезисов о разрастании эгократов](#)
- [Непреходящая привлекательность национализма](#)
- [Против Его-истории, против Левиафана. Глава 1. Золотой век](#)
- [Рахманинова Мария. Аудиолекция о Фреди Перлмане](#)
- [Гордон Ури. Тело Левиафана: восстанавливая анархистскую социальную теорию Фреди Перлмана](#)

Воспроизводство повседневной жизни

1969, источник: [здесь](#).

Повседневная практическая деятельность первобытных людей воспроизводит, или увековечивает, племя. Это воспроизводство не просто физическое, но также общественное. Своей повседневной деятельностью первобытные не просто воспроизводят группу человеческих существ; они воспроизводят племя, а именно особую общественную форму в рамках которой эта группа людей выполняет специфическую деятельность в специфической манере. Специфическая деятельность первобытных не является итогом «естественных» характеристик людей, выполняющих их, как производство мёда является результатом «натуры» пчелы. Повседневная жизнь, осуществляемая и увековечиваемая первобытным является специфическим общественным ответом на определённые материальные и исторические условия.

Повседневная деятельность рабов воспроизводит рабство. Своей повседневной деятельностью рабы не просто физически воспроизводят самих себя и своих хозяев, они также воспроизводят инструменты, при помощи которых их хозяева угнетают их, а также свои собственные привычки подчинения власти хозяина. Для людей, живущих в рабовладельческом обществе, отношения между рабами и хозяевами кажутся естественными и вечными. Однако, люди не рождаются хозяевами или рабами. Рабство является специфической общественной формой и люди подчиняются ему только в очень определённых материальных и исторических условиях.

Практическая повседневная деятельность наёмных работников воспроизводит наёмный труд и капитал. Своей повседневной деятельностью, «современные» люди, подобно первобытным и рабам, воспроизводят жителей, общественные отношения и идеи своего общества; они воспроизводят общественную форму повседневной жизни. Подобно первобытнообщинной и рабовладельческой системам, капиталистическая система не является ни естественной, ни конечной формой человеческого общества; подобно ранним общественным формам, капитализм является специфическим ответом на материальные и исторические условия.

В отличие от ранних форм общественной деятельности, повседневная жизнь в капиталистическом обществе систематически преобразовывает материальные условия которым изначально отвечал капитализм. Некоторые из материальных ограничений человеческой деятельности постепенно подпадают под контроль человека. На высшей степени индустриализации, практическая деятельность создаёт свои собственные

материальные условия, также как свою общественную форму. Таким образом предметом данного анализа является не только то, как практическая деятельность в капиталистическом обществе воспроизводит капиталистическое общество, но также то, как сама эта деятельность упраздняет материальные условия ответом на которые стал капитализм.

Повседневная жизнь в капиталистическом обществе

Общественная форма повседневной деятельности людей при капитализме является ответом на определённое материальное и историческое положение. Материальные и исторические условия объясняют происхождение исторической формы, но не объясняют почему эта форма продолжается после того как исчезает исходное положение. Понятие «отставания в культурном развитии» не объясняет продолжительности существования общественной формы после исчезновения первоначальных условий, которым она отвечала. Это понятие служит лишь названием для продолжительности существования общественной формы. Когда понятие «отставания в культурном развитии» служит названием для «общественной силы», которая определяет человеческую деятельность, это вводит в заблуждение, представляя итоги человеческой деятельности как внешнюю, неподконтрольную людям силу. Это касается не только понятий вроде «отставания в культурном развитии». Многие из терминов, которые Маркс использовал для описания человеческой деятельности были вознесены до статуса внешних и даже «естественных» сил, определяющих человеческую деятельность; поэтому такие понятия как «классовая борьба», «производственные отношения» и особенно «Диалектика» играют ту же роль в теориях некоторых «марксистов», что и «Первородный грех», «Судьба» или «Рука Провидения» играли в теориях средневековых мистификаторов.

В исполнении своей повседневной деятельности, члены капиталистического общества осуществляют одновременно два процесса: они воспроизводят форму своей деятельности и упраздняют материальные условия, которым изначально отвечала эта форма деятельности. Но они не знают, что осуществляют эти процессы; их собственная деятельность непрозрачна для них. Они пребывают в иллюзии, что их деятельность отвечает естественным условиям вне их контроля и не видят, что сами творят эти условия. Задача капиталистической идеологии заключается в поддержании флера, мешающего людям разглядеть за своей собственной деятельностью воспроизводство форм их повседневной деятельности: задачей критической теории является совлечение покровов с повседневной деятельностью, чтобы она стала прозрачной, чтобы воспроизводство общественных форм капиталистической деятельности стало различимым в повседневной человеческой деятельности.

При капитализме, повседневная жизнь состоит из взаимосвязанной деятельности, воспроизводящей и расширяющей капиталистическую форму общественной деятельности. Продажа рабочего времени за определённую цену (зарплата), воплощение рабочего

времени в товарах (продаваемые товары, материальные и нематериальные), потребление материальных и нематериальных товаров (таких как потребительные товары и зрелища) — эта деятельность, характеризующая повседневную жизнь при капитализме, не является ни проявлением «человеческой природы», ни навязанной человеку неподконтрольными ему силами.

Если считать, что человек «по природе» неизобретательный первобытный и изобретательный бизнесмен, покорный раб и гордый ремесленник, независимый охотник и зависимый наёмный работник, тогда или «природа» человека является пустым понятием, или «природа» человека зависит от материальных и исторических условий и фактически отвечает этим условиям.

Отчуждение жизнедеятельности

В капиталистическом обществе, творческая деятельность принимает форму товарного производства, а именно производства рыночного продукта, в то время как результаты человеческой деятельности принимают форму товаров. Рыночность или продаваемость становятся универсальными характеристиками всей практической деятельности и всех продуктов.

Продукты человеческой деятельности, необходимые для выживания принимают форму продаваемых товаров: они доступны только в обмен на деньги. При этом деньги доступны только в обмен на товары. Если большое количество людей принимает законность этих обычаев, если они принимают тот обычай, что товары становятся источником денег, а деньги источником выживания, они оказываются запертыми в порочном круге. Поскольку у них нет товаров, единственным выходом из этого круга будет если они начнут считать сами себя, или часть самих себя, товаром. А это, фактически, и является тем самым «решением», которое люди навязывают сами себе перед лицом специфических материальных и исторических условий. Они не обменивают свои тела или части своих тел на деньги. Они обменивают творческое содержание своей жизни, свою практическую повседневную деятельность на деньги.

Как только люди начинают принимать деньги за эквивалент своей жизни, продажа жизнедеятельности становится условием для их физического и общественного выживания. Жизнь обменивается на выживание. Творчество и производство начинают означать проданную деятельность. Деятельность человека «продуктивна», полезна для общества, только когда она продаётся. Сам человек становится продуктивным членом общества только если продаёт деятельность своей повседневной жизни. Как только люди начинают принимать условия этого обмена, повседневная жизнь принимает форму универсальной проституции.

Проданная творческая сила, или проданная повседневная деятельность, принимает форму труда. Труд является специфической формой человеческой деятельности в истории. Труд — это абстрактная деятельность, у которой есть лишь одно свойство: он является рыночным, его можно продать за определённое количество денег. Труд — это безразличная

деятельность: он безразличен к тому заданию, которое выполняет, как он безразличен к тому субъекту, на который направлено его задание. Рытьё, вёрстка и ваяние разнородны, но все три являются трудом в капиталистическом обществе. Труд это просто «зарабатывание денег». Жизнедеятельность, принимающая форму труда является средством заработка денег. Жизнь становится средством выживания.

Эта ироническая перестановка не является драматичной кульминацией художественного произведения; это факт повседневной жизни в капиталистическом обществе. Выживание, а именно самосохранение и воспроизводство, это не средство практической творческой деятельности, но как раз наоборот. Творческая деятельность в форме труда, а именно продаваемая деятельность, является болезненным условием, необходимым для выживания; труд — это средство самосохранения и воспроизводства.

Продажа жизнедеятельности приводит к ещё одной перестановке. Путём продажи, личный труд становится «собственностью» другого лица, другое лицо присваивает его себе, труд переходит под контроль этого лица. Другими словами, личная деятельность становится деятельностью другого лица, деятельностью его владельца; она становится чуждой для человека, исполняющего её. Так, жизнь человека, достижения личности в мире, разнообразие, которое вносит его жизнь в жизнь человечества, не только преобразовываются в труд, болезненное условие выживания; они преобразовываются в чуждую деятельность, деятельность исполняемую покупателем этого труда. В капиталистическом обществе, архитекторы, инженеры, рабочие, не являются строителями; строит тот, кто покупает труд строителя; их проекты, расчёты и движения отчуждены от них; их жизнедеятельность, их достижения, принадлежат ему.

Академические социологи, для которых продажа труда сама собой разумеется, понимают эту отчуждение труда как ощущение: деятельность работника «представляется» чуждой работнику, «кажется», что её контролирует другое лицо. Однако, любой работник может объяснить академическим социологам, что отчуждение не является ни ощущением, ни мыслью в голове работника, а реальным фактом в повседневной жизни работника. Проданная деятельность фактически является чуждой для работника; его труд фактически контролируется покупателем.

В обмен на свою проданную деятельность, работник получает деньги, как общепринятое средство выживания в капиталистическом обществе. На эти деньги он может покупать товары, вещи, но он не может выкупить свою деятельность. Это обнажает некую «брешь» в деньгах, как в «универсальном эквиваленте». Человек может продать свои товары за деньги, и он может купить те же товары за деньги. Он может продать свою жизнедеятельность за деньги, но он не может купить свою жизнедеятельность за деньги.

Вещи, которые работники покупают на зарплату в первую очередь являются потребительными товарами, которые позволяют им выживать, воспроизводить свою рабочую силу, с тем, чтобы они могли продолжать продавать её; и они становятся зрелищем, предметами для пассивного восхищения. Он потребляет продукты человеческой деятельности и восхищается ими пассивно. Он существует в мире не в качестве активного агента, преобразовывающего его, но в качестве беспомощного, бессильного зрителя; он

может называть это состояние бессильного восхищения «счастьем», а поскольку его труд является таким болезненным, он может хотеть быть «счастливым», а именно бездействующим, всю свою жизнь (в состоянии, напоминающем живого мертвеца). Товары, зрелища, пожирают его; он использует жизнедеятельность в пассивном восхищении; его пожирают вещи. В этом смысле, чем больше у него есть, тем меньше он сам существует. (Отдельная личность может преодолеть эту смерть-при-жизни через маргинальную творческую деятельность; но население не может этого сделать, если только оно не уничтожит капиталистическую форму практической деятельности, упраздняя наёмный труд и таким образом разотчуждая творческую деятельность).

Товарный фетишизм

Отчуждая свою деятельность и воплощая её в товарах, как в материальных вместилищах человеческого труда, люди воспроизводят самих себя и Капитал.

С точки зрения капиталистической идеологии, особенно академической экономики, это утверждение не соответствует истине: товары — это «продукты не одного только труда»; их производят первозданные «производственные факторы»: Земля, Труд и Капитал, капиталистическая Святая Троица, где основным «фактором» естественно является наш главный герой, Капитал.

Задачей этой поверхностной Троицы является не анализ, так как этим Экспертам платят не за анализ. Им платят за то, что они затуманивают, маскируют общественную форму практической деятельности при капитализме, покрывают флером тот факт, что производители воспроизводят самих себя, своих эксплуататоров, а также инструменты посредством которых их эксплуатируют. Формула Троицы не слишком убедительна. Ясно, что земля — не более товаропроизводитель, чем вода, воздух или солнце. Далее, Капитал, который является названием заодно для общественных отношений между трудящимися и капиталистами, для средств производства, которыми владеет капиталист, и для денег-эквивалента его инструментов и «нематериальных товаров», не производит ничего кроме словоизвержений, которые принимают приемлемую для печати форму благодаря академическим экономистам. Даже средства производства, являющиеся капиталом отдельного капиталиста являются первобытными «производственными факторами» только если кому-то собственные шоры позволяют видеть лишь отдельные капиталистические предприятия, потому что панорама всей экономики вместе взятой обнажает тот факт, что капитал отдельного капиталиста является материальным вместилищем труда отчуждённого от другого капиталиста. Однако, хотя формула Троицы и неубедительна, ей удаётся выполнить задачу притупления внимания своей сменой предмета вопроса: вместо того, чтобы спрашивать почему человеческая деятельность при капитализме принимает форму наёмного труда, потенциальные аналитики капиталистической повседневной жизни превращаются в академических, доморощенных марксистов, задающихся вопросом является ли труд единственным «производственным фактором».

Так Экономика (и капиталистическая идеология вообще) рассматривает землю, деньги и продукты труда, как вещи, наделённые силой производить, создавать стоимость, работать

на своих владельцев, преобразовывать мир. Маркс назвал это фетишизмом, характеризующим повседневные представления людей и возведённым в догму экономикой. Для экономиста, живые люди являются вещами («производственными факторами»), а вещи живыми (деньги «работают», Капитал «производит»).

Фетишист отдаёт фетишу продукт собственной деятельности. В результате, он перестаёт реализовывать свою собственную силу (силу к преобразованию природы, власть определять форму и содержание своей повседневной жизни); он пользуется только теми «силами», которые он приписывает своему фетишу («власть» покупать товары). Иными словами, фетишист кастрирует сам себя и отдаёт свою жизненную силу своему фетишу.

Но фетиш — это неживая вещь, это не живое существо; у него нет жизненной силы. Фетиш это всего лишь вещь, благодаря и ради которой, поддерживаются капиталистические отношения. Таинственная власть Капитала, его «сила» производить, его жизненная сила, пребывает не в нём самом, но в том факте, что люди отчуждают свою творческую деятельность, что они продают свой труд капиталистам, что они материализуют или опредмечивают свой отчуждённый труд в товарах. Иными словами, людей покупают продуктами их собственной деятельности, и всё же они рассматривают свою собственную деятельность, как деятельность Капитала, а свои собственные продукты, как продукты Капитала. Отдавая творческую силу Капиталу, а не своей собственной деятельности, они приносят свою жизнедеятельность, свою повседневную жизнь, в жертву Капиталу, что означает, что люди ежедневно отдают самих себя безличному Капиталу в лице капиталиста.

Путём продажи своего труда, отчуждения своей деятельности, люди ежедневно олицетворяют в своём воспроизводстве господствующие форм деятельности при капитализме, они воспроизводят наёмного работника и капиталиста. Они воспроизводят людей не просто физически, но также общественно; они воспроизводят индивидов, как продавцов рабочей силы и индивидов как владельцев средств производства; они воспроизводят индивидов, так же как специфическую деятельность, продажу, так же как собственность.

Каждый раз, когда люди выполняют некую деятельность, которую не они сами определяют и контролируют, каждый раз, когда они платят за товары, которые они произвели, деньгами, которые они получили в обмен на свою отчуждённую деятельность, каждый раз, когда они пассивно восхищаются продуктами собственной деятельности, как чуждыми предметами, приобретёнными за деньги, они придают новую жизнь Капиталу и умерщвляют свою собственную жизнь.

Цель процесса заключается в воспроизводстве отношений между работником и капиталистом. Однако, это не цель отдельных действующих лиц, вовлечённых в него. Их деятельность непрозрачна для них; их взгляды заиклены на фетише, стоящем между действием и его результатом. Взгляды отдельных действующих лиц постоянно обращены на вещи, благодаря которым установились капиталистические отношения. Работник как производитель стремится обменять свой ежедневный труд на деньги-зарплату, он стремится как раз к той вещи, через которую восстанавливаются его отношения с капиталистом, к вещи, через которую он воспроизводит сам себя как наёмного работника и

другого человека как капиталиста. Работник как потребитель обменивает свои деньги на продукты труда, а именно на те вещи, которые капиталист должен продавать, чтобы реализовать свой Капитал.

Повседневное преобразование жизнедеятельности в Капитал опосредовано вещами, оно не осуществлено вещами. Фетишист не знает этого; для него труд и земля, средства производства и деньги, предприниматели и банкиры, все являются «факторами» и «действующими лицами». Когда охотник с амулетом на шее, сшибает камнем оленя, он может считать свой амулет существенным «фактором» в добыче оленя и даже в предоставлении ему оленя как объекта добычи. Если это ответственный и образованный фетишист, он будет уделять внимание своему фетишу, заботливо и с любовью лелея его; для того чтобы улучшить материальные условия своей жизни, он будет улучшать способ ношения своего фетиша, а не способ камнеметания; он может даже послать свой амулет «охотиться» вместо себя. Его собственная повседневная деятельность непрозрачна для него: когда он хорошо питается, ему не удаётся заметить, что его собственные действия при метании камня, а не действия амулета, обеспечивают его едой; когда он голодает, ему не удаётся понять, что его собственные действия в поклонении амулету вместо охоты, а не гнев его фетиша, вызывают его голод.

Фетишизм товаров и денег, мистификация собственной повседневной деятельности, религия повседневной жизни, приписывающая жизнедеятельность неодушевлённым вещам, это не просто интеллектуальный каприз рождённый в воображении человека; он происходит из характера общественных отношений при капитализме. Фактически, люди связываются друг с другом посредством вещей; на деле фетиш является поводом для коллективной деятельности и благодаря которому они воспроизводят свою собственную деятельность. Однако, эту деятельность осуществляет не фетиш. Не Капитал преобразовывает сырьё, не Капитал производит товары. Если жизнедеятельность не преобразовывает материалы, они остаются непреобразованными, инертными, мёртвой материей. Если бы люди перестали хотеть продолжать продажу собственной жизнедеятельности, Капитал бы выказал своё бессилие; Капитал перестал бы существовать; остатки его могущества обладали бы силой лишь напоминать людям о былой форме повседневной жизни, которую характеризовала ежедневная универсальная проституция.

Работник отчуждает свою жизнь для того, чтобы сохранить её. Если бы он не продавал свою жизнедеятельность, он не получал бы зарплату и не мог бы выжить. Однако, не зарплата ставит условием для выживания отчуждение. Если бы люди коллективно перестали хотеть продавать свою жизнь, если бы они хотели получить контроль за своей собственной деятельностью, универсальная проституция перестала бы быть условием для выживания. Именно склонность людей продолжать продажу своего труда, а не вещи, ради которых они продают его, превращает отчуждение жизнедеятельности в необходимое условие для сохранения жизни.

Жизнедеятельность, продаваемая работником покупается капиталистом. Только эта жизнедеятельность вдыхает жизнь в Капитал и делает его «продуктивным». Капиталист, «владелец» сырья и средств производства, представляет природные материалы и продукты

чужого труда, как свою «частную собственность». Однако, не таинственная сила Капитала создаёт «частную собственность» капиталиста; именно жизнедеятельность создаёт «собственность», и форма этой деятельности сохраняет её в качестве «частной».

Преобразование жизнедеятельности в капитал

Преобразование жизнедеятельности в Капитал происходит через вещи, ежедневно, но при этом не осуществляется вещами. Вещи, как продукты человеческой жизни кажутся активными действующими лицами потому что деятельность и контакты устанавливаются через вещи и ради них, а также потому что деятельность людей не прозрачна для них; они принимают посредничающий объект за первопричину.

При капиталистическом процессе производства, работник воплощает или материализует свою отчуждённую жизнедеятельность в инертном объекте путём использования средств производства, являющихся воплощением деятельности других людей. (Сложные промышленные средства производства воплощают интеллектуальный и физический труд бесчисленных поколений изобретателей, совершенствователей и производителей из всех уголков земного шара и из различных общественных формаций). Средства производства сами по себе являются инертными объектами; это материальные воплощения жизнедеятельности, неживые сами по себе. Единственным активным действующим лицом в производственном процессе является живой работник. Он использует продукты труда других людей и вдыхает в них жизнь, образно говоря, но эта жизнь является его жизнью; он не способен воскресить тех людей, чья жизнедеятельность накоплена в его инструменте. Инструмент может дать ему возможность делать больше в определённый период времени и в этом смысле повышать его производительность. Но только живой труд, способный производить может быть продуктивным.

Например, когда промышленный рабочий работает на токарном станке, он использует продукты труда поколений физиков, изобретателей, инженеров электриков, производителей станка. Очевидно, он более продуктивен, чем ремесленник вырезающий тот же предмет руками. Но это ни в коем случае не означает, что «Капитал» находящийся в распоряжении промышленного рабочего более «продуктивен», чем «Капитал» ремесленника. Если бы поколения интеллектуального и физического труда не были воплощены в токарном станке, если бы промышленному рабочему пришлось изобретать электричество, станок и его запчасти, тогда у него ушло бы несколько жизней на то, чтобы произвести хоть один предмет на электрическом токарном станке и никакая сумма Капитала не смогла бы повысить его продуктивность по сравнению с ручным трудом ремесленника.

Понятие «производительного капитала» и особенно подробное измерение этой «производительности» являются изобретением «науки» Экономики, этой религии капиталистической повседневной жизни, которая питается человеческой энергией,

затрачиваемой на поклонение, восхищение и лесть центральному фетишу капиталистического общества. Средневековые коллеги этих «учёных» осуществляли детальные измерения высоты и ширины ангелов в раю, не задаваясь вопросом о том, что такое ангелы или рай и считая их существование само собой разумеющимся.

Результатом проданной деятельности рабочего является продукт, который не принадлежит ему. Этот продукт является воплощением его труда, материализацией части его жизни,местилищем его жизнедеятельности, но он не принадлежит ему; он чужд ему также как и его труд. Он не принимал решение сделать его, а когда он сделал его, он им не распоряжается. Если он ему нужен, он должен купить его. То, что он сделал это не просто продукт с определёнными полезными свойствами; для этого ему не надо было бы продавать свой труд капиталисту в обмен на зарплату; ему надо было бы просто подобрать необходимые материалы и доступные средства производства, ему надо было бы только обработать материалы в соответствии с его целями и его ограниченными знаниями и способностями. (Ясно, что один человек может заниматься чем-то подобным только на периферии общества; овладение доступным сырьём и средствами производства и их использование всеми людьми может произойти только после свержения капиталистических форм деятельности).

То, что рабочий производит при капиталистических условиях является продуктом, наделённым очень специфическим свойством, свойством способности к сбыту. Отчуждённая деятельность производит товар.

Поскольку капиталистическое производство является товарным производством, утверждение о том, что целью процесса является удовлетворение человеческих потребностей ложно; это только рационализация и апология. «Удовлетворение человеческих потребностей» не является ни целью капиталиста или рабочего, вовлечённых в производство, ни результатом процесса. Рабочий продаёт свой труд чтобы получить зарплату; специфическое содержание труда безразлично для него; он не отчуждает свой труд в пользу капиталиста, который не платит ему зарплату, вне зависимости от того, сколько человеческих потребностей могут удовлетворить продукты этого капиталиста. Капиталист покупает труд и занимает его в производстве, чтобы у него появились товары, которые он сможет продать. Ему безразличны специфические свойства продукта, так же как ему безразличны человеческие потребности; всё, что интересует его в продукте, это за сколько его можно продать, в то время как всё, что его интересует в человеческих потребностях, это сколько им «требуется» для того, чтобы покупать и как их можно заставить, путём пропаганды и психологического давления, увеличивать свои «потребности». Целью капиталиста является удовлетворение его собственных потребностей воспроизводить и увеличивать Капитал, а результатом процесса является увеличение воспроизводства наёмного труда и Капитала (которые вовсе не являются «человеческими потребностями»).

Товар, производимый рабочим обменивается капиталистом на определённое количество денег; товар является стоимостью, которая обменивается на равную стоимость. Иными словами, живой и мёртвый труд материализованные в продукте могут существовать в двух различных, но в то же время равных формах, в товарах и в деньгах, или в том, что у них есть

общего, в стоимости. Это не означает, что стоимость является трудом. Стоимость это общественная форма овеществлённого (материализованного) труда в капиталистическом обществе.

При капитализме, общественные отношения не устанавливаются напрямую; их устанавливают через стоимость. Повседневная деятельность не обменивается напрямую; она обменивается в форме стоимости. Следовательно, то, что происходит с жизнедеятельностью при капитализме нельзя отследить наблюдая за самой деятельностью, но только следя за метаморфозами стоимости.

Когда человеческая жизнедеятельность принимает форму труда (отчуждённой деятельности), она принимает свойство обмениваемости; она принимает форму стоимости. Иными словами, труд можно обменять на «эквивалентное» количество денег (зарплату). Намеренное отчуждение жизнедеятельности, воспринимаемое членами капиталистического общества как необходимое для выживания, само воспроизводит капиталистическую формацию при которой отчуждение необходимо для выживания. Поскольку жизнедеятельность обладает формой стоимости, продукты этой деятельности тоже должны приобретать форму стоимости: они должны обмениваться на деньги. Это очевидно поскольку, если продукты труда принимали бы не форму стоимости, но например форму полезных предметов для общественного пользования, тогда они либо оставались бы на фабрике, либо их свободно разбирали бы члены общества, каждый раз, когда у них появлялась бы в этом потребность; в любом случае, деньги-зарплата, получаемые рабочими не обладали бы стоимостью, а жизнедеятельность нельзя было бы продать за «эквивалентное» количество денег; жизнедеятельность была бы неотчуждаемой. Следовательно, как только жизнедеятельность принимает форму стоимости, продукты этой деятельности принимают форму стоимости, а воспроизводство повседневной жизни происходит путём изменений или метаморфоз стоимости.

Капиталист продаёт продукты труда на рынке; он обменивает их на эквивалентную сумму денег; он реализует predetermined стоимость. Специфическая величина стоимости на определённом рынке — это цена товаров. Для академического Экономиста, Цена — это ключ Св.Петра от врат Рая. Как сам Капитал, Цена движется внутри прекрасного мира, который полностью состоит из предметов; предметы состоят друг с другом в человеческих отношениях, они являются живыми; они преобразовывают друг друга, общаются друг с другом; они женятся и заводят детей. И само собой разумеется только по милости этих умных, могущественных и творческих предметов люди могут быть счастливыми в капиталистическом обществе.

В живописных представлениях Экономиста о чудесах Рая, ангелы делают всё, а люди не делают ничего; люди просто наслаждаются тем, что для них делают эти высшие существа. Не только Капитал производит, а деньги работают; другие таинственные существа обладают схожими добродетелями. Так Предложение, количество продаваемых вещей, и Спрос, количество покупаемых вещей, вместе определяют Цену, количество денег; когда Предложение и Спрос на определённой точке диаграммы вступают в брак, они порождают Равновесную Цену, соответствующую состоянию вселенского блаженства. Деятельность повседневной жизни осуществляется вещами, а люди сводятся до уровня вещей

(«производственных факторов») в течение своих «производственных» часов и до пассивных созерцателей вещей во время своего «досуга». Добродетельность Учёного Экономиста состоит в его способности приписывать результат повседневной деятельности людей вещам и в его неспособности увидеть жизнедеятельность людей под гротеском вещей. Для Экономиста, вещи через которые регламентируется человеческая деятельность при капитализме сами являются матерью и сыном, причиной и последствием их собственной деятельности.

Величина стоимости, а именно цена товара, количество денег, на которое он обменивается, определяется не вещами, а повседневной человеческой деятельностью. Спрос и предложение, совершенная и несовершенная конкуренция, являются не более чем общественными формами продуктов и деятельности в капиталистическом обществе; у них нет своей собственной жизни. Тот факт, что деятельность отчуждается, а именно, что рабочее время продаётся за специфическую сумму денег, что у него есть определённая стоимость, обладает несколькими последствиями для величины стоимости продуктов этого труда. Стоимость проданных товаров должна по крайней мере равняться стоимости рабочего времени. Это явно как с точки зрения отдельной капиталистической фирмы, так и с точки зрения общества как целого. Если стоимость товаров, продаваемых отдельным капиталистом была бы меньше, чем стоимость труда, который он нанял, тогда его затраты на один лишь труд были бы больше его заработков, и он бы быстро обанкротился. В общественном смысле, если стоимость производства трудящихся была бы меньше стоимости их потребления, тогда рабочая сила не смогла бы воспроизводить даже себя, не говоря уже о классе капиталистов. Однако, если бы стоимость товаров просто равнялась стоимости рабочего времени затраченного на них, товаропроизводители просто воспроизводили бы самих себя, и их общество не было бы капиталистическим обществом; их деятельность всё ещё могла бы состоять из товарного производства, но это не было бы капиталистическое производство товаров.

Для того, чтобы труд создавал Капитал, стоимость продуктов труда должна быть больше стоимости труда. Иными словами, рабочая сила должна производить прибавочный продукт, количество товаров, которое она не потребляет, и этот прибавочный продукт должен быть преобразован в прибавочную стоимость, форму стоимости, которая достаётся не работникам в качестве зарплаты, а капиталистам в качестве прибыли. Причём, стоимость продуктов труда должна быть ещё больше, поскольку живой труд является не единственным видом материализованного в них труда. В производственном процессе, рабочие затрачивают свою собственную энергию, но они также используют накопленный чужой труд в виде средств производства и обрабатывают сырьё, на которое ранее был также затрачен труд.

В результате, странным образом стоимость продуктов трудящегося и стоимость его зарплаты оказываются разными величинами, а именно, сумма денег, полученных капиталистом, когда он продаёт товары, произведённые его наёмными работниками отличается от суммы денег, которую он платит работникам. Эта разница не объясняется тем фактом, что за материалы и средства производства следует платить. Если бы стоимость проданных товаров равнялась стоимости живого труда и инструментов, для капиталистов всё равно не оставалось бы места. Факт состоит в том, что разница между двумя

величинами должна быть достаточно большой для того, чтобы поддерживать класс капиталистов — не только их лично, но также ту специфическую деятельность, которой они лично занимаются, а именно приобретение труда. Разница между полной стоимостью продуктов и стоимостью труда, затраченного на их производство является прибавочной стоимостью, семенем Капитала.

Для того, чтобы установить происхождение прибавочной стоимости, необходимо исследовать почему стоимость труда меньше стоимости производимых им товаров. Отчуждённая деятельность рабочего преобразовывает сырьё с помощью средств производства и производит определённое количество товаров. Однако, когда эти товары проданы, а за использованные материалы и инструменты уплачено, рабочим не достаётся в качестве зарплаты оставшаяся стоимость их продуктов; они получают меньше. Иными словами, в течение каждого рабочего дня, рабочие выполняют определённое количество неоплаченного труда, принудительного труда, за который они не получают эквивалента.

Выполнение этого неоплаченного труда, этого принудительного труда, является ещё одним «условием выживания» в капиталистическом обществе. Тем не менее, подобно отчуждению, это условие продиктовано не природой, а коллективной практикой людей, их повседневной деятельностью. До того как возникли профсоюзы, отдельный рабочий соглашался на любой доступный принудительный труд, поскольку отказ от труда означал бы, что другие рабочие примут доступные условия обмена, а этот отдельный рабочий не получит зарплаты. Рабочие конкурировали друг с другом из-за зарплаты, предлагаемой капиталистами; если рабочий уходил из-за того, что зарплата была неприемлемо низкой, безработный с готовностью заменял его, поскольку для безработного низкая зарплата выше, чем отсутствие зарплаты. Эту конкуренцию между рабочими капиталисты называют «свободным трудом», и они идут на большие жертвы для того, чтобы сохранить свободу рабочих, потому что именно эта свобода предохраняет прибавочную стоимость капиталиста и позволяет ему накапливать Капитал. В цели ни одного из рабочих не входит производство большего числа продуктов, нежели то, за которое ему платят. Его целью является получение зарплаты, чем больше, тем лучше. Однако, существование рабочих, которые совсем не получают зарплаты, и чьи идеи о высокой зарплате вследствие этого скромнее, чем у уже занятых рабочих, позволяет капиталисту нанимать труд по более низкой цене. Фактически, существование безработных позволяет капиталисту платить самую низкую зарплату, за которую рабочий может согласиться работать. Так, результатом коллективной ежедневной деятельности рабочих, борьбы каждого индивидуального рабочего за большую зарплату, стало понижение зарплаты всех; эффект конкуренции всех против всех заключается в том, что каждый получает наименьшую возможную зарплату, а капиталист получает наибольшую возможную прибавочную стоимость.

Ежедневная практика всех аннулирует цели каждого. Но рабочие не знали, что их собственная ситуация была продуктом их собственного повседневного поведения; их собственная деятельность не была прозрачной для них. Рабочим казалось, что низкая зарплата была просто естественной частью жизни, как болезнь и смерть, и что падающая зарплата являлась естественной катастрофой, вроде наводнения или суровой зимы. Критика социалистов и анализ Маркса, так же как и повышение промышленного развития, предоставившего больше времени для размышлений, сорвали часть флера и позволили

рабочим всмотреться в свою собственную деятельность в какой-то мере. Однако, в Западной Европе и в Соединённых Штатах, рабочие не избавились от капиталистической формы повседневной жизни; они сформировали профсоюзы. А в несколько отличных материальных условиях Советского Союза и Восточной Европы, рабочие (и крестьяне) заменили капиталистический класс государственной бюрократией, покупающей отчуждённый труд и накапливающей Капитал во имя Маркса.

С профсоюзами, повседневная жизнь похожа на саму себя до профсоюзов. Фактически, она почти та же. Повседневная жизнь продолжает состоять из труда, из отчуждённой деятельности и из неоплаченного, или принудительного труда. Работник, состоящий в профсоюзе больше не обговаривает условия своего отчуждения; за него это делают профсоюзные функционеры. Условиями на которых отчуждается деятельность работника больше не управляет потребность отдельного работника принимать то, что имеется; ими управляет потребность профсоюзного бюрократа удерживать свой пост сводника между продавцами труда и его покупателями.

С профсоюзами или без них, прибавочная стоимость не является ни продуктом природы, ни Капитала; она создаётся повседневной деятельностью людей. В исполнении своей повседневной деятельности, люди не только склонны к отчуждению этой деятельности, они также склонны воспроизводить условия, заставляющие их воспроизводить свою деятельность, воспроизводить Капитал, а следовательно власть Капитала покупать труд. Это происходит не из-за того, что они не знают «в чём заключается альтернатива». Человек, ставший инвалидом из-за хронического несварения потому что ест слишком много жира не продолжает есть жир оттого, что не знает в чём заключается альтернатива. Либо он предпочитает оставаться инвалидом вместо того, чтобы бросить есть жир, либо он не понимает, что ежедневное потребление жира превращает его в инвалида. И если его врач, священник, учитель и политик сначала говорят ему, что жир поддерживает в нём жизнь, а затем, что они уже делают для него всё, что он сам бы сделал для себя, если бы был здоровым, то неудивительно, что его деятельность непрозрачна для него и что он не предпринимает больших усилий сделать её прозрачной.

Производство прибавочной стоимости является условием для выживания, но не населения, а капиталистической системы. Прибавочная стоимость является частью стоимости товаров, произведённых трудом, которая не возвращается к трудящимся. Её можно выразить или в товарах, или в деньгах (так же как Капитал можно выразить в количестве либо вещей, либо денег), но это не изменяет того факта, что она является выражением материализованного труда, накопленного в данном количестве продуктов. Поскольку продукты можно обменивать на «эквивалентное» количество денег, деньги «заменяют» или представляют собой, ту же стоимость, что и продукты. Деньги могут, в свою очередь, обмениваться на иное количество продуктов «эквивалентной» стоимости. Сочетание этих обменов, происходящих одновременно во время выполнения капиталистической повседневной жизнедеятельности, представляет собой капиталистический процесс товарооборота. Именно благодаря этому процессу происходит превращение прибавочной стоимости в Капитал.

Та часть стоимости, что не возвращается труду, а именно прибавочная стоимость, позволяет капиталисту существовать, и она также позволяет ему больше, чем просто существовать. Капиталист инвестирует часть этой прибавочной стоимости; он нанимает новых рабочих и покупает новые средства производства; он расширяет своё господство. Это означает, что капиталист накапливает новый труд, как в форме живого труда, который он нанимает, так и в форме прошлого труда (оплаченного и неоплаченного), накопленного в тех материалах и станках, что он покупает.

Капиталистический класс, как целое накапливает прибавочный труд общества, но этот процесс происходит на общественном уровне и следовательно его нельзя рассматривать так же, как деятельность отдельного капиталиста. Следует помнить, что продукты, покупаемые определённым капиталистом в качестве средств производства обладают теми же характеристиками, что и продукты, которые он продаёт. Первый капиталист продаёт средства производства второму капиталисту за определённую сумму денег и только часть этой стоимости возвращается к работникам в качестве зарплаты; остающаяся часть является прибавочной стоимостью, за которую первый капиталист приобретает новые средства производства и труд. Второй капиталист приобретает средства производства за данную стоимость, что означает, что он платит за полное количество труда, приобретённого первым капиталистом, количество труда, за которое было заплачено, а также труда, выполненного за бесплатно. Это означает, что средства производства, накопленные вторым капиталистом содержат неоплаченный труд, выполненный для первого. Второй капиталист, в свою очередь, продаёт свои продукты за данную стоимость и возвращает только часть этой стоимости своим работникам; он использует остаток для приобретения новых средств производства и труда.

Если сжать весь процесс в один временной период и собрать всех капиталистов в одного, стало бы очевидно, что стоимость за которую капиталист приобретает новые средства производства и труд равняется стоимости продуктов, которые он не возвращает производителям. Этот накопленный прибавочный труд и является Капиталом.

В терминах капиталистического общества как целого, весь Капитал равен сумме неоплаченного труда, выполненного поколениями людей, чья жизнь состояла из ежедневного отчуждения их жизнедеятельности. Иными словами Капитал, которому люди продают дни своей жизни, является продуктом проданной деятельности человека и воспроизводится и распространяется каждый день, когда человек продаёт ещё один рабочий день, каждый раз, когда он решает продолжать жить при капиталистической форме повседневной жизни.

Накопление человеческой деятельности

Преобразование прибавочного труда в Капитал является специфической исторической формой более общего процесса, процесса индустриализации, постоянного преобразования

материальной окружающей среды человека.

Некоторые существенные характерные черты этой последовательности человеческой деятельности при капитализме можно понять при помощи упрощённой иллюстрации. В воображаемом обществе, люди тратят большую часть своего активного времени на производство пищи и прочих потребительных стоимостей; лишь часть их времени является «прибавочным временем» в том смысле, что оно изъято из производства потребительной стоимости. Эта прибавочная деятельность может быть посвящена производству пищи для священников и воинов, которые сами её не производят; она может быть использована для производства товаров, сжигаемых по случаю священных празднеств; она может быть использована для исполнения церемоний или физкультуры. В каждом из этих случаев, материальные условия этих людей вряд ли будут изменяться, от поколения к поколению, в результате их повседневной деятельности. Однако, одно поколение людей в этом воображаемом обществе вместо того, чтобы использовать это прибавочное время, может накопить его. Например, они могут использовать это время закручивая пружины. Следующее поколение может раскрутить энергию накопленную в этих пружинах для исполнения необходимых задач, или может просто использовать энергию этих пружин для того, чтобы закрутить новые. В любом случае, накопленный прибавочный труд предыдущего поколения обеспечит новое поколение ещё большим количеством прибавочного рабочего времени. Новое поколение может также накопить этот излишек в пружинах и других вместилищах труда. В относительно краткий период, труд, накопленный в пружинах превысит рабочее время, доступное для любого живого поколения; в то время как с относительно малыми затратами энергии, люди в этом воображаемом обществе смогут использовать пружины для исполнения большинства своих задач, в том числе для закручивания новых пружин для будущих поколений. Большинство живых часов, которые они до этого тратили на производство потребительных стоимостей теперь станет доступно для деятельности, которая не продиктована необходимостью, но разработана воображением.

На первый взгляд кажется маловероятным, что люди стали бы посвящать часы своей жизни странному делу закручивания пружин. Настолько же маловероятным, даже если они закручивают пружины, кажется то, что они будут накапливать их для будущих поколений из-за того, что раскручивание пружин может стать, например, чудесным зрелищем в праздничные дни.

Однако, если люди не распоряжаются своей собственной жизнью, если их трудовая деятельность не принадлежит им, если их практическая деятельность состоит из принудительного труда, тогда человеческая деятельность вполне может быть посвящена задаче скручивания пружин, задаче накопления прибавочного рабочего времени в материальных вместилищах. Историческая роль Капитализма, роль, исполненная людьми, которые приняли законность того, что другие распоряжаются их жизнью, состояла как раз в накоплении человеческой деятельности в материальных вместилищах посредством принудительного труда.

Как только люди подчиняются «власти» денег покупать накопленный труд, а также жизнедеятельность, как только они принимают фиктивное «право» обладателей денег

контролировать и распоряжаться накопленной, так же как и живой деятельностью общества, они преобразовывают деньги в Капитал и обладателей денег в Капиталистов.

Это двойное отчуждение, отчуждение жизнедеятельности в форме наёмного труда и отчуждение деятельности прошлых поколений в форме накопленного труда (средства производства), не является единичным актом, случившимся где-то в истории. Отношения между трудящимися и капиталистами это не нечто, навязанное обществу в какой-то определённый момент в прошлом, раз и навсегда. Никогда люди не подписывали контракт, и даже не вступали в устное соглашение, по которому они отказывались бы от власти над своей жизнедеятельностью и отдавали бы капиталистам власть над жизнедеятельностью всех будущих поколений во всех частях земного шара.

Капитал носит на себе маску естественной силы; он кажется настолько же материальным как сама земля; его движение кажется необратимым как морской прилив; его кризисы кажутся неизбежными, как землетрясения и наводнения. Даже если признать, что власть Капитала создана людьми, это может стать просто поводом для изобретения ещё более навязчивой маски, маски созданной человеком силы, Франкенштейна, чья власть вызывает ещё больше ужаса, чем какая-либо естественная сила.

Однако, Капитал не является ни естественной силой, ни рукотворным монстром, созданным когда-то в прошлом и с тех пор господствующим над человеческой жизнью.

Власть Капитала обретается не в деньгах, поскольку деньги являются лишь общественной условностью, у которой не больше «власти», чем ей хотят придать люди; когда люди откажутся продавать свой труд, деньги не смогут исполнять даже простейшие задачи, потому что деньги не «работают».

Власть Капитала также не содержится в материальных вместилищах, в которых накоплен труд прошлых поколений, поскольку потенциальная энергия, накопленная в этих вместилищах может быть высвобождена благодаря деятельности живых людей вне зависимости от того, являются ли они Капиталом, а следовательно чуждой «собственностью». Без живой деятельности, набор предметов, из которых состоит общественный Капитал станет просто нагромождением безжизненных артефактов, а «владельцы» Капитала станут лишь разбросанным классом причудливо лишённых творческой жилки людей (по своему образованию), окружающих себя кусочками бумаги в тщетной попытке возродить воспоминания о былом могуществе. Единственная «власть» Капитала обретается в повседневной деятельности живых людей; эта «власть» состоит из желания людей продавать свою повседневную деятельность в обмен на деньги и отказываться от контроля за продуктами собственной деятельности и деятельности прежних поколений.

Когда человек продаёт свой труд капиталисту и принимает лишь часть своего продукта в качестве оплаты за свой труд, он создаёт условия для приобретения и эксплуатации других людей. Ни один человек не пожелает отдать свою руку или своего ребёнка в обмен на деньги; но когда человек намеренно и осознанно продаёт свою трудовую жизнь для того, чтобы удовлетворить свои жизненные потребности, он не только воспроизводит условия, из-

за которых продажа его жизни является необходимостью для её сохранения; он также создаёт условия, из-за которых продажа жизни становится необходимостью и для других. Грядущие поколения конечно могут отказаться продавать свою трудовую жизнь по той же причине, по какой он отказывается продать свою руку; однако, каждый раз, когда не удаётся отвергнуть отчуждённый и принудительный труд, увеличивает запасы накопленного труда, за которые Капитал может покупать трудовые жизни.

Для того, чтобы преобразовать прибавочный труд в Капитал, капиталист должен суметь накопить его в материальном виде, в новых средствах производства, и он должен нанять новых рабочих для того, чтобы привести в действие новые средства производства. Иными словами, он должен увеличить своё предприятие, или открыть новое в другой производственной отрасли. Это предполагает или требует существования материалов, которые можно превратить в новые товары для продажи, существования покупателей новых продуктов и существования людей достаточно бедных для того, чтобы быть согласными продавать свой труд. Эти требования сами создаются капиталистической деятельностью, и капиталист не признаёт пределов или препятствий для своей деятельности; демократия Капитала требует абсолютной свободы.

Империализм это не только «последняя стадия» Капитализма; но также первая.

Всё, что может быть преобразовано в рыночный товар становится зерном для жерновов Капитала, находится ли это на земле капиталиста или его соседа, под землёй или на её поверхности, плывёт по морю или ползает по его дну; находится ли это на других континентах или на других планетах. Все исследования природы человечеством, от Алхимии до Физики, мобилизованы на поиски новых материалов, в которых можно накапливать труд, на обнаружение новых предметов, которые можно заставить кого-нибудь купить. Покупатели старых и новых продуктов создаются всеми доступными средствами, в то время как постоянно разрабатываются новые средства. «Открытые рынки» и «открытые двери» устанавливаются силой и обманом. Если людям не хватает средств на приобретение продуктов капиталиста, капиталисты нанимают их и платят им за производство товаров, которые они захотят купить; если местные ремесленники уже производят то, что хотят продать капиталисты, ремесленников уничтожают или покупают; если законы или традиции запрещают использование определённых продуктов, уничтожаются законы и традиции; если у людей нет предметов, при помощи которых они могут использовать продукты капиталистов, их учат покупать эти предметы; если у людей не остаётся физических или биологических потребностей, капиталисты «удовлетворяют» их «духовные потребности» и нанимают психологов, создающих последние; если люди так пресыщены продуктами капиталистов, что уже не могут использовать новые предметы, их учат покупать предметы и зрелища, от которых нет иной пользы кроме той, что их можно созерцать и восхищаться ими.

Бедные люди существуют в до-сельскохозяйственных и в сельскохозяйственных обществах на всех континентах; если они недостаточно бедны для того, чтобы хотеть продавать свой труд, когда прибывают капиталисты, деятельность самих капиталистов доводит их до нищеты. Земли охотников постепенно становятся «частной собственностью» «владельцев», использующих государственное насилие для того, чтобы загнать охотников в «резервации»,

в которых не хватает еды для поддержания в них жизни. Средства производства крестьян постепенно становятся доступными только через того же торговца, который щедро занимает им деньги на покупку средств производства, до тех пор пока крестьянские «долги» не увеличиваются до такой степени, что им приходится продавать землю, которую ни они, ни их предки не покупали. Покупатели продуктов ремесленников постепенно вынуждены переходить к торговцам, сбывающим продукты, до тех пор пока торговец не решает собрать «своих ремесленников» под одной крышей и не предоставляет им средства производства, которые позволят им сконцентрироваться на производстве самых прибыльных вещей. Независимые и зависимые охотники, крестьяне и ремесленники, свободные и рабы, все становятся наёмными работниками. Те, кто раньше распоряжался своей жизнью перед лицом жёстких материальных условий перестают распоряжаться своей жизнью именно в тот момент, когда они принимаются за задачи по улучшению своих материальных условий; те, кто ранее были сознательными создателями своего нищенского существования становятся бессознательными жертвами своей собственной деятельности, хотя они и упраздняют нищету своего существования. Люди, которые были очень большими, хотя и имели мало теперь имеют много, но стали маленькими.

Производство новых товаров, «открытие» новых рынков, рождение новых рабочих — это не три отдельных вида деятельности; это три аспекта одной и той же деятельности. Новая рабочая сила создаётся исключительно для производства новых товаров; зарплата, получаемая этими трудящимися сама является новым рынком; их неоплаченный труд является источником для нового расширения. Ни естественные, ни культурные барьеры не остановят распространение Капитала, преобразование повседневной деятельности людей в отчуждённый труд, преобразование их прибавочного труда в «частную собственность» капиталистов. Однако, Капитал не является естественной силой; это определённая деятельность, выполняемая людьми каждый день; это форма повседневной деятельности; её продолжительное существование и расширение предполагает лишь одно существенное условие: желание людей продолжать отчуждение своей трудовой жизни с воспроизводством капиталистической формы повседневной жизни.

Десять тезисов о разрастании эгократов

1977, источник: [здесь](#).

I

Эгократ – Мао, Сталин, Гитлер, Ким Ир Сен – это не случайность, не отклонение и не вторжение иррациональности; он – персонификация отношений существующего общественного порядка.

II

Изначально Эгократ – такая же личность, как и все остальные: безгласный и бессильный человек в этом обществе без общности и общения, ставший жертвой спектакля. *«Спектакль – это непрерывная речь, которую современный строй ведёт о самом себе, его хвалебный монолог. Это автопортрет власти в эпоху её тоталитарного управления условиями существования» (Дебор)*. Подавленный спектаклем, эгократ страстно желает *«освобождения человека, существа, которое является заодно социальным и Gemeinwesen» (Каматт)*. Будь его жажда выражена практически: на рабочем месте, на улице, везде, где спектакль лишает его своей человечности, он бы стал бунтарём.

III

Эгократ не выражает своей жажды общности и общения на практике; он превращает её в Мышление. Вооружённый этим Мышлением, он всё ещё безгласен и бессилён, но уже более не такой, как все остальные: он Сознательный, он обладает Идеей. Чтобы подтвердить это отличие, чтобы быть уверенным, что он не обманывается, ему нужно, чтобы другие видели в нём иного, – те другие, которые подтвердят, что он действительно владеет Мышлением.

IV

Эгократ находит «общность» и «общение», не разрушая элементы спектакля в пределах своей досягаемости, но окружая себя единомышленниками, другими Эго,

воспроизводящими Золотое Мышление друг для друга и подтверждающими друг другу свою обоснованность обладания этим сокровищем. Они – Избранные. В этой ситуации Мышление, чтобы оставаться Золотым, должно навеки остаться всё тем же: незапятнанным и бескомпромиссным; критика и пересмотр – это синонимы предательства, *«Поскольку оно является продуктом прошлого, любое текущее событие отрицает его. Так оно может существовать только в качестве полемики с реальностью. Оно отрицает всё. Оно может выжить, только замораживаясь, становясь всё более тоталитарным»* (Каматт). Тем самым, чтобы продолжить рефлексировать и подтверждать Мышление, человек должен прекратить мыслить.

V

Изначальная цель, «освобождённый человек», теряется на практике, когда низводится до сознания Эгократа, поскольку *«сознание становится самоцелью и рафинируется в организации, которая воплощает эту цель»* (Каматт). У группы обожающих друг друга людей появляется расписание и место для собраний; она становится институтом. Организация, приобретающая форму большевистской или нацистской ячейки, социалистического читального клуба или анархистской группировки, в зависимости от местных обстоятельств и индивидуальных предпочтений, создаёт «в своей среде благоприятные условия для неформального господства над всей анархистской организацией пропагандистов и защитников их собственной идеологии – специалистов более чем посредственных, ибо вся их интеллектуальная активность в принципе сводилась к повторению нескольких окончательных истин» (как писал Дебор об анархистских организациях). Отрицая правящий спектакль идеологически, организация знатоков свободы воспроизводит отношения спектакля в своей внутренней практике.

VI

Организация, воплощающая Мышление, обращается к миру, поскольку *«Проект этого сознания подразумевает подгонку реальности под свою концепцию»* (Каматт). Группа становится воинственной. Она намеревается распространить на общество в целом свои внутренние организационные отношения, один из вариантов которых можно суммировать так: *«В рамках партии никто не должен отставать, когда руководство даёт приказ “марш вперёд!”, никто не поворачивается направо, когда приказ “налево”»* (некий революционный вождь, процитированный М. Велли). В этот момент специфическое содержание Мышления настолько не соответствует практике, как и география христианского рая, поскольку цель уменьшается до дубинки: она служит и оправданием репрессивных практик группы, и инструментом шантажа. (Примеры: *«Всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от неё означает тем самым усиление идеологии буржуазной»* – Ленин; *«Когда “либертарианцы” клеветнически очерняют других, я ставлю под вопрос их зрелость и приверженность революционным переменам в обществе»* – некий «анархист» в письме коллективу издания “The Fifth Estate”).

VII

Воинственная организация расширяется при помощи обращений в свою веру и манипуляций. Обращение было любимой техникой ранних большевиков и миссионерского анархизма: явной задачей активиста было внедрить сознательность в среду рабочего класса (Ленин), *«достичь своими идеями рабочих людей»* (некий «анархист» в торонтском издании *“The Red Menace”*). Однако подразумеваемой задачей и практическим результатом его деятельности будет влияние на практики рабочих, а не на их мышление. Обращение будет успешным, когда рабочие, какими бы ни были их идеи, платят взносы организации и подчиняются её призывам к действию (к забастовкам, демонстрациям и т. п.).

Подразумеваемая задача Эгократа – установить свою (и своей организации) гегемонию над большим числом индивидов, стать вождём массы сторонников. Эта подразумеваемая цель становится цинично явной в случае, когда эти активисты – нацисты или сталинисты (или помесь этих двух, как в случае с Лейбористской партией США). Обращение открывает путь для манипуляции, для неприкрытой лжи. В этой модели рекрутирование сторонников – это явная цель, и Идея прекращает быть неподвижной звездой, совершенной и неизменной; Идея становится всего лишь средством достижения этой явной цели; любым способом на вербовать большинство последователей – вот хорошая Идея; Идея становится цинично сконструированным коллажем, основанным на страхах и ненависти потенциальных сторонников; её главным обещанием становится уничтожение козлов отпущения: «контрреволюционеров», «анархистов», «агентов ЦРУ», «евреев» и т. д. Разница между манипуляторами и миссионерами – теоретическая; на практике же они оказываются современниками, конкурирующими на одном социальном поле, они заимствуют техники друг у друга.

VIII

С целью транслировать Идею, трансформировать её и манипулировать ею Эгократу необходимы инструменты, медиа, и именно такие медиа общество спектакля предоставляет в избытке. Одно из оправданий обращения к этим медиа выглядит так: *«В настоящий момент медиа – монополия правящих классов, которые направляют их на собственное благо. Однако их структура остаётся “фундаментально эгалитарной”, и задачей революционных практик будет выявление этой структуры, потенциально в них содержащейся, но извращённой капиталистическим порядком. Одним словом, освободить их...»* (позиция, изложенная Бодрийяром). Изначальное отрицание спектакля, стремление к общности и общению оказываются заменены стремлением воспользоваться теми самыми инструментами, которые уничтожают общность и общение. Колебания или внезапная вспышка критики исключаются организационным шантажированием: *«Ленинисты победят, если только мы сами не возьмём на себя ответственность сражаться до победы..!»* (*“The Red Menace”*. Сталинист бы сказал *«Троцкисты победят, если только...»* и т. д.). Исходя из этого тезиса, всё и идёт дальше; все средства хороши, если они приводят к цели; и на крайнем абсурдном уровне даже продвижение продаж и реклама, эта активность и язык самого Капитала, оказываются оправданными революционными средствами: *«Мы в основном*

концентрируемся на дистрибуции и продвижении... Наша работа по продвижению широкомасштабная и дорогая. Она включает широкое использование рекламы, рекламные рассылки, каталоги, демонстрационные столы по всей стране и т. д. Всё это стоит громадного количества денег и энергии, что покрывается деньгами, поступающими от продажи книг» («бизнесмен-анархист» в письме к "The Fifth Estate"). Представляет ли собой этот анархистский бизнесмен курьёзный пример, будучи столь нелепо преувеличен, или же он прочно находится внутри ортодоксальной традиции организованной воинственности? «Крупные банки есть тот "государственный аппарат", который нам нужен для осуществления социализма и который мы берём готовым у капитализма, причём нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его ещё крупнее, ещё демократичнее, ещё всеобъемлющее...» (Ленин).

IX

Медиа для Эгократа являются лишь средствами; целью же – гегемония, власть, могущество тайной полиции. «Невидимые штурманы посреди народной бури, мы должны руководить ею, но не конкретной видимой властью, а через коллективную диктатуру всех ее союзников. Диктатуру без титулов, без знаков отличий, без официальных прав, диктатуру тем более мощную, что она будет лишена внешней видимости власти» (Бакунин, процитированный Дебором). Коллективная диктатура всех быстро превращается в правление единственного Эгократа, поскольку «...если всё решают все вместе взятые бюрократы, то сплоченность их собственного класса может обеспечиваться лишь через сосредоточение их террористической власти на одной личности» (Дебор). При успехе этой затеи Эгократа, при установлении «диктатуры без официальных прав», не только общение исчезает в масштабах всего общества; любая активность на местах намеренно пресекается полицией. Такая ситуация – это не «деформация» изначальных «чистых целей» организации, она уже была предопределена в её целях, в «фундаментально эгалитарных» инструментах, использовавшихся для победы. «Главной характеристикой масс-медиа является то, что они представляются неким "антимедиатором", что они не транзитивны, что они производят некоммуникацию... телевидение в силу самого своего присутствия оказывается социальным контролем. Нет необходимости изображать его в качестве следящего перископа правящего режима, проникающего в частную жизнь каждого человека, потому что та форма, в которой оно существует сейчас, даже лучше: оно является гарантией того, что люди не разговаривают друг с другом, и что, столкнувшись с безответным словом, они оказались предельно изолированы друг от друга».

X

Проект Эгократа избыточен. Капиталистические средства производства и коммуникации уже низводят людей до безгласных и бессильных зрителей, пассивных жертв, непрерывно подвластных «хвалебному монологу» существующего порядка. Антитоталитарной революции нужен не ещё один медиум, а ликвидация всех медиа, «...всей современной функциональной и технической структуры медиа», ликвидация, «если угодно, их

операциональной формы, которая всегда отражает их социальную форму. Конечно, в предельном случае исчезает или должно исчезнуть само понятие "медиум": обмениваемое слово, взаимный символический обмен отрицает понятие и функцию медиа, его опосредующую роль... Взаимность осуществляется через разрушение медиума как такового».

Непреходящая привлекательность национализма

1984, источник: [здесь](#), перевод: Вадим Дамье

За последние 100 лет уже не раз заявляли, что национализм мертв.

Так было после Первой мировой войны, когда последние европейские империи – Австрийская и Турецкая – распались на отдельные национальные государства, и не осталось обездоленных наций, за исключением сионистов.

Так было после большевистского переворота, когда было провозглашено, что буржуазная борьба за национальное самоопределение уступила место борьбе трудящихся, у которых нет родины.

Так было после военного разгрома фашистской Италии и национал-социалистической Германии, когда все смогли увидеть, что национализм ведет к геноциду, и казалось, будто он раз и навсегда дискредитирован на практике.

Теперь, десятилетия спустя после разгрома фашистов и национал-социалистов, мы видим, что национализм не только выжил, но возродился и набирает силу. Его оживляют не только так называемые правые, но прежде всего – так называемые левые. Национализм перестал ограничиваться лагерем консерваторов; он стал верой и практикой революционеров; он объявляет себя единственным настоящим революционным учением.

Левые или революционные националисты утверждают, будто их национализм не имеет ничего общего с фашистским или нацистским, что это национализм угнетенных, открывающий путь личного и культурного освобождения. Притязания революционных националистов распространяются по миру двумя древнейшими иерархиями, дожившими до нашего времени, – Китайским государством и католической церковью. Современный национализм подается как стратегия, наука и теология освобождения, как воплощение постулата Просвещения о «знании – силе», как убедительный ответ на вопрос «что делать».

Бросая вызов этим притязаниям и рассматривая их в исторической взаимосвязи, я намереваюсь поставить вопрос: что такое национализм (не только революционный, но и старый, консервативный). Не могу начать с определения слова, потому что национализм –

это не слово, имеющее статичное определение; это термин, за которым скрываются хронологическая последовательность различных исторических опытов. Я начну с краткого описания некоторых из них.

Согласно общераспространенному, но ошибочному (и манипулятивному) представлению, империализм – это сравнительно новое явление, заключающееся в колонизации всего мира; это – последняя стадия капитализма. Этот диагноз породил и специфическое лечение: национализм воспринимался как средство противодействия империализму, а национальные войны – как средство разрушения капиталистической системы.

Данный диагноз служил определенной цели, но не объяснял события или ситуации. Мы окажемся ближе к истине, если поставим эту теорию на голову и скажем, что империализм был первой стадией капитализма, что мир подвергался колонизации со стороны сменявших друг друга государств-наций, и что национализм – это нынешняя и (будем надеяться) последняя стадия капитализма. Соответствующие факты открыты не вчера; они так же хорошо известны, как и отрицающая их ложная теория.

По вполне понятным причинам, удобно забывать о том, что, вплоть до последних столетий, господствующими державами в Евразии были не государства-нации, а империи. Поднебесная империя, управляемая династией Мин, исламская империя, управляемая Османской династией, и католическая империя, управляемая династией Габсбургов, делили между собой власть над известным тогда миром. Из этих трех, католическая была не первой, а последней. Поднебесная империя Минов управляла большей частью Восточной Азии и отправляла огромные торговые флоты за океаны за столетие до того, как вышедшие в море католики вторглись в Мексику.

Те, кто воспевают деяния католиков, забывают о том, что между 1420 и 1430 гг. китайский императорский чиновник Чжэн Хэ возглавил морскую экспедицию с участием 70 тысяч человек и плавал не только в близлежащие Малайю, Индонезию и на Цейлон, но даже в такие далекие от родных портов земли, как Персидский залив, берега Красного моря и Африка. Певцы католических конкистадоров также преуменьшают имперские деяния Османов, которые завоевали все – кроме самых западных – провинции бывшей Римской империи, правили Северной Африкой, Аравией, Средним Востоком и половиной Европы, контролировали Средиземное море и стучались в ворота Вены. Имперским католикам пришлось отправляться на Запад, за пределы известного тогда мира, чтобы избежать окружения.

Тем не менее, именно имперские католики «открыли Америку», и геноцид, разрушения и грабеж, которыми сопровождалось это «открытие», изменили баланс сил между империями Евразии.

Были бы имперские китайцы и турки менее смертоносными, если бы это они «открыли Америку»? Все три империи рассматривали иностранцев как недочеловеков и,

следовательно, как законную добычу. Китайцы считали всех других варварами, мусульмане и католики – неверными. Термин «неверный» не столь жесток, как «варвар», поскольку неверный перестает быть законной добычей и становится зрелым человеческим существом в результате простого акта перехода в истинную веру, тогда как варвары остаются добычей, пока не будет переделан цивилизаторами.

Термин «неверные» и стоявшая за ним мораль вступали в противоречие с практикой завоевателей-католиков. Противоречие между верой и делами было обличено уже довольно ранним критиком – священником по имени Лас-Касас, который отмечал, что церемонии обращения в веру служили предлогом для того, чтобы отделить и истреблять необращенных, и что с самим обращенными обращались не как с братьями-христианами, а как с рабами.

Критика Лас-Касаса не более чем слегка смутила католическую церковь и императора. Были приняты законы и направлены расследователи, но все это возымело мало эффекта, поскольку две цели католических экспедиций – обращение неверных и грабеж – противоречили друг другу. Большинство людей церкви примирились сами с собой, спасая золото и обрекая на проклятия души. Католический император все больше зависел от награбленных благ, необходимых для того, чтобы пополнять имперскую казну, содержать армию и флот, которые делали возможными новые грабежи.

Грабеж продолжал преобладать над обращением, но католики оставались в смущении. Их идеология не слишком соответствовала их практике. Их главные завоевания были обращены против ацтеков и инков, которых они описывали как империи с институтами, похожими на институты Габсбургской империи, а религиозную практику – как демоническую, наподобие официального врага, «языческой» империи Османских турок. Но большинство войн на уничтожение велось католиками против общин, которые не имели ни императоров, ни постоянных армий. Подобные деяния, хотя и постоянно повторялись, вступали в конфликт с идеологией и не содержали в себе ничего героического.

Имперские католики так и не разрешили противоречие между верой завоевателей и их практикой. Это противоречие было разрешено провозвестниками новой социальной формы – нации-государства. Двое из таких провозвестников появились в одном и том же, 1561 году, когда один из императорских заморских авантюристов провозгласил свою независимость от империи, а ряд банкиров и поставщиков императора начали войну за независимость.

Заморский авантюрист Лопе де Агирре не сумел добиться поддержки и был казнен. А банкиры и поставщики императора мобилизовали население нескольких имперских провинций и смогли отторгнуть их от империи (эти провинцией стали позднее называться Голландией).

Два этих события еще не были борьбой за национальное освобождение. Они были провозвестниками будущих событий. И в то же время – наследием прошлых времен. В когда-то существовавшей Римской империи гвардейцы-преторианцы охраняли императора, присваивали себе все больше императорских функций и, в конце концов, осуществляли императорскую власть вместо самого императора. В исламской империи арабов халиф

использовал телохранителей-турок для защиты своей персоны; турки-гвардейцы, подобно римским преторианцам, присваивали все больше функций халифа, пока, наконец, не взяли под контроль императорский дворец и императорскую канцелярию.

Лопе де Агирре и голландские вельможи не были телохранителями габсбургских монархов, но колониальный авантюрист из Анд и голландские торговые и финансовые дома выполняли важные имперские функции. Эти бунтари, наподобие прежним римским и турецким гвардейцам, стремились освободиться от духовной неполноценности и материального бремени служения императору; они уже пользовались властью императора, и император был для них не более, чем паразитом.

Колониальный авантюрист Лопе де Агирре оказался, со всей очевидностью, никчемным бунтарем; его время еще не пришло. Голландские вельможи не были никчемными, и их время настало. Они не свергли империю, а рационализировали ее.

Голландские торговые и финансовые дома уже владели большей частью богатства Нового Света; они приобрели его в оплату за снабжение императорского флота, армии и казны. Теперь же они принялись грабить колонии от собственного имени и ради собственной выгоды, стряхнув паразита-сюзерена. А поскольку они были не католиками, а протестантами-кальвинистами, их не смущало никакое противоречие между верой и делами. Они не верили в спасение душ. Их кальвинизм учил, что непостижимый бог уже спас или проклял все души в самом начале времен, и никакой голландский священник не может изменить его предустановление.

Голландцы не были крестоносцами; они занялись негероическим и не знающим шуток грабежом, схожим с бизнесом, рассчитанным и упорядоченным. Отправлявшиеся на грабеж эскадры отплывали и приплывали по расписанию. То, что подвергавшиеся грабежу иностранцы были неверными, стало куда менее важным, чем то обстоятельство, что они не были голландцами.

Первопроходцы с Запада Евразии придумали термин «дикари». Он был синонимом термина «варвары» в Поднебесной империи Восточной Евразии. Оба термина рассматривали человеческих существ как законную добычу.

На протяжении последующих двух столетий вторжения, покорение и конфискации, начатые Габсбургами, копировались другими европейскими правящими домами. Если смотреть через очки националистических историков, то и первоначальные колонизаторы и их позднейшие имитаторы выглядят как нации – Испания, Голландия, Англия, Франция. Но глядя с выигрышной позиции расстояния во времени, колонизирующими силами были Габсбурги, Тюдоры, Стюарты, Бурбоны и Оранские – а именно, династии, такие же, как правящие дома, которые боролись между собой за богатство и власть со времен падения Западной Римской империи.

Завоеватели могут рассматриваться с обеих удобных точек зрения, потому что происходил переход. Эти образования уже не были феодальными владениями, но они не были еще и полноценными нациями. Они уже обладали некоторыми атрибутами государств-наций, но еще не всеми. Главным недостающим элементом были национальные армии. Тюдоры и Бурбоны уже манипулировали английскостью и французскостью своих подданных, особенно в войнах против подданных другого монарха. Но ни шотландцы и ирландцы, ни корсиканцы и провансальцы не привлекались к тому, чтобы сражаться и умирать ради «любви к своей стране». Война была обременительной феодальной ношей, барщиной; единственными патриотами были патриоты Эльдорадо.

Принципы того, чему предстояло стать националистическим кредо, притягивали не правящие династии, которые цеплялись за свои собственные испытанные и проверенные принципы. Новые принципы привлекали высших служителей династий, их кредиторов, торговцев пряностями, военных поставщиков и колониальных грабителей. Эти люди, такие как Лопе де Агирре и голландские вельможи, подобно римским и турецким гвардейцам, выполняли ключевые функции, но все еще оставались слугами. Многие, если не большинство из них, горели желанием сбросить своё недостойное положение и, избавившись от паразита-сюзерена, приняться за эксплуатацию соотечественников и грабеж колоний от своего имени и ради собственной выгоды.

Ставшие позднее известными, как буржуазия, или средний класс, эти люди стали богатыми и могущественными со времен первых флотилий, отплывавших на Запад. Часть их богатства текла из ограбленных колоний, как плата за услуги, оказанные императору; эти богатства позднее назвали первоначальным накоплением капитала. Другая часть проистекала из ограбления их местных соотечественников и соседей методом, который позднее стал известен как капитализм; этот метод не был совершенно новым, но он широко распространился после того, как средние классы получили в свои руки серебро и золото Нового Света.

Эти средние классы уже пользовались значительной мощью, но у них еще не было опыта обладания центральной политической властью. В Англии они свергли монарха и провозгласили республику, но, испугавшись, что народная энергия, мобилизованная ими против высшего класса, может теперь обратиться против среднего класса, они вскоре восстановили другого монарха из той же самой династии.

Национализм в действительности не стал самим собой вплоть до конца 1700-х гг., когда два взрыва, с промежутком в 13 лет, опрокинули относительную устойчивость высших классов и навсегда изменили политическую географию Земного шара. В 1776 г. Колониальные торговцы и авантюристы возродили дело Агирре: они провозгласили свою независимость от правящей заморской династии, превзойдя своего предшественника благодаря тому, что они мобилизовали других поселенцев, и сумели отделиться от Британской империи Ганноверского дома. А в 1789 г. просвещенные торговцы и клерки превзошли своих голландских предшественников, мобилизовав уже не несколько отдаленных провинций, но все подданное население, низвергнув и уничтожив правящего монарха-Бурбона и превратив все феодальные узы в узы национальные. Два этих события ознаменовали конец целой эры. Отныне даже выжившие династии стремительно или постепенно стали националистами, а

сохранившиеся королевские владения все больше и больше стали приобретать черты государств-наций.

Обе революции века Просвещения были очень разными и внесли различные и даже противоречащие друг другу элементы в идею и практику национализма. Я не собираюсь здесь анализировать эти события, но лишь напому читателю о некоторых из этих элементов.

Обе революции успешно разбили узы верности монархическому дому и закончились установлением капиталистических государств-наций, но между первым и последним актом они имели мало общего. Главные вдохновители обоих бунтов были знакомы с рационалистическими доктринами Просвещения, но самозванные американцы ограничились политическими проблемами, прежде всего, – проблемой установления государственной машины, которая могла продолжать работать после прекращения правления короля Георга. Большинство французов пошли гораздо дальше; они поставили проблему перестройки не только государства, но и всего общества; они бросили вызов не только узам подданства по отношению к монарху, но и узам, привязывавшим раба к хозяину, – узам, которые оставались для американцев священными. Обе группы, несомненно, были знакомы с замечанием Жана-Жака Руссо о том, что люди рождаются свободными, но повсюду скованы цепями, однако французы понимали эти цепи глубже и предприняли большие усилия для того, чтобы разбить их.

Находясь под таким же влиянием рационалистических доктрин, как и сам Руссо, французские революционеры пытались внедрить разум в человеческую среду точно также как естественный разум, или наука начал прилагаться к среде природной. Руссо работал за своим письменным столом; он пытался установить социальную справедливость на бумаге, вручив человеческие дела органу, который воплощал всеобщую волю. Революционеров волновало установление социальной справедливости не только на бумаге, но и среди мобилизованных и вооруженных ими людей, многие из которых были разъярены и, в большинстве своем, бедны.

Абстрактный орган Руссо принял конкретную форму Комитета общественного спасения – полицейской организации, которая считала себя воплощением всеобщей воли. Virtuозные члены комитета осознанно применяли открытия разума к человеческим делам. Они считали себя хирургами нации. Они врезали свои личные убеждения в общество с помощью стали лезвия государственной бритвы.

Приложение науки к среде приняло форму систематического террора. Инструментом Разума и Справедливости была гильотина.

Террор обезглавил бывших правителей, а затем обратился против революционеров.

Страх стимулировал реакцию, которая смела не только Террор, но и Справедливость.

Мобилизованная энергия кровожадных патриотов была направлена вовне, навязывая просвещение иностранцам силой и расширяя нацию в империю. Снабжение национальных армий было куда более прибыльным делом, чем было когда-либо снабжение феодальных армий, и бывшие революционеры превратились в богатых и могущественных членов среднего класса, который стал теперь высшим классом, правящим классом. И террор, и войны оставили судьбоносное наследство идеи и практике последующих национализмов.

Наследие Американской революции было совсем иного рода. Американцев меньше заботила справедливость. Их больше волновала собственность.

Завоеватели-поселенцы восточного побережья северной части континента нуждались в Георге Ганноверском не больше, чем Лопе де Агирре нуждался в Филиппе Габсбургском. Точнее, богатым и могущественным среди поселенцев был нужен аппарат короля Георга для защиты их богатства, но не для его приобретения. Если бы они могли организовать репрессивный аппарат своими силами, то король Георг был бы им вообще не нужен.

Поверив в свою способность самим создать такой аппарат, колониальные рабовладельцы, земельные спекулянты, экспортеры и банкиры стали находить королевские налоги и указы нетерпимыми. Наиболее нестерпимым из королевских указов был временный запрет неразрешенных вторжений на земли первоначальных обитателей континента. Советники короля с жадностью смотрели на меха, поставляемые индейскими охотниками; революционные земельные спекулянты с жадностью взирали на земли этих охотников.

В отличие от Агирре, объединившиеся в федерацию колонизаторы Севера сумели успешно создать свой независимый репрессивный аппарат, и они сделали это, лишь в самой малой степени побуждаемые жаждой справедливости: их целью было свержение власти короля, а не своей собственной. Не слишком полагаясь на своих менее богатых братьев-поселенцев или лесных скваттеров, не говоря уже о рабах, эти революционеры полагались на наемников и необходимую помощь монарха-Бурбона, которому предстояло быть свергнутым несколько лет спустя более искусными революционерами.

Североамериканские колонисты разбили традиционные узы верности и феодальной повинности, но, в отличие от французов, они лишь отчасти заменили традиционные узы узами патриотизма и нации. Они еще не были нацией; их неохотная мобилизация колониальной глубинки не сплотила их в нее, и многоязычные, социально разделенные низы сопротивлялись такому слиянию. Новый репрессивный аппарат еще не был опробован и испытан, и он не повелевал безраздельной лояльностью подчиненного ему населения, которое еще не было патриотическим. Нужно было что-то другое. Рабовладельцы, которые свергли короля, опасались, что их рабы точно также свергнут хозяев: восстание на Гаити дело эти опасения отнюдь не гипотетическими. И хотя они уже больше не боялись быть сброшенными в море индейскими обитателями континента, торговцы и спекулянты беспокоились относительно своей способности продвигаться дальше вглубь континента.

Американские завоеватели-поселенцы прибегли к инструменту, который был отнюдь не новым, как гильотина, но столь же смертоносным. Этот инструмент получил позднее название расизма, и он укоренился в националистической практике. Расизм, подобно более

поздним изделиям практичных американцев, носил прагматический характер. Его содержание было не столь важным, главное, чтобы он работал.

Мобилизация людей осуществлялась на основе из самых низких и самых искусственных общих характеристик, и люди откликнулись. Люди, которые покинули свои деревни и семьи, нередко позабыли свои языки и потеряли свои культуры, люди, которые едва не утратили свою социальность, подверглись манипулированию: им надлежало считать цвет своей кожи заменой всему, что они утратили. Их побудили гордиться тем, что не было ни их личным достоинством, ни да, как в случае языка, их личным приобретением. Они были объединены в нацию белых мужчин (белые женщины и дети существовали только как скальпированные жертвы, как доказательства звериной сущности охотничьей добычи). Масштабы девальвации демонстрируются ничтожеством и фантастичностью то, что объединяло белых мужчин друг с другом: «белая» кровь, «белое» мышление и членство в «белой расе». Должники, скваттеры и слуги, как белые мужчины, имели нечто общее с банкирами, земельными спекулянтами и плантаторами, – но не имели ничего общего с «краснокожими», «чернокожими» или «желтокожими». Соединенные, в соответствии с этим принципом, их можно было им мобилизовать, превратив в белую толпу, толпу линчевателей, «охотников на индейцев».

Расизм был первоначально одним из многих методов мобилизации колониальных армий, и, хотя он эксплуатировался в Америке куда масштабнее, чем когда-либо прежде, но не заменил другие методы, а скорее дополнил их. Жертвы наступавших пионеров по-прежнему описывались как неверные, как язычники. Но пионеры, как и прежде голландцы, были в большинстве своем христианами-протестантами, и они рассматривали «язычество» как нечто, подлежащее наказанию, а не исправлению. Жертвы по-прежнему именовались дикарями, людоедами и примитивными существами, но и эти термины перестали быть диагнозом условий, которые надлежало исправить. Они все больше были склонны становиться синонимами «небелого»: условий, исправить которые невозможно. Расизм был идеологией, великолепно подходившей к практике порабощения и истребления.

Действие в стиле толпы линчевателей, бандитская охота на жертв импонировали хулиганам с недоразвитой человечностью и с отсутствием всякого представления о «честной игре». Но они импонировали не всем. Американские бизнесмены, наполовину ловкачи, наполовину «честные» дельцы, всегда имеют понемногу от того и другого. Для многих Святых Георгиев с некоторым представлением о чести и острой жаждой героизма, враг рисовался несколько иначе: для них враг, обитавший в лесах за горами и на берегах Великих озер, представал в образе наций, таких же богатых и могущественных, как их собственная.

Певцы героических деяний имперских испанцев обнаруживали империи в Центральной Мексике и у подножий Анд. Певцы американских героев-националистов обнаружили нации. Они превратили безнадежное сопротивление анархических селян в международный заговор, направляемый полководцами, такими как «генерал Понтиак» и «генерал Текумсе». Они населили леса блестящими национальными лидерами, эффективными генеральными штабами и бесчисленными армиями патриотов. Они проецировали свои собственные репрессивные структуры на незнакомцев; они видели точную копию самих себя, но в обратном цвете – нечто вроде негатива фотографии. Тогда враг оказывался равным по

структуре, мощи и целям. Война против такого врага – не только «честная игра»; она попросту необходима, это вопрос жизни и смерти. Другие атрибуты врага – язычество, дикость, людоедство – делали задачу экспроприации, порабощения и истребления еще более настоятельной, а соответствующие деяния – еще более героическими.

Теперь репертуар националистической программы был более или менее полным. Это заявление может озадачить читателя, который до сих пор так и не увидел в действии ни одной «настоящей нации». США оставались набором многоязычных, мультиконфессиональных и мультикультурных «этносов», а французская нация перетекла через свои границы и превратилась в наполеоновскую империю. Читатель может попытаться применить определение «нации» как организованной территории, населенной людьми, которые разделяют общий язык, религию и обычаи или хотя бы что-то одно из трех. Подобное определение, ясное, беглое и статичное, не описывает явление, но служит ему извинением, оправданием. Это явление не было статическим определением; оно было динамичным процессом. Общие язык, религия и обычаи, равно как и «белая кровь» американских колонистов, служили скорее предлогом, инструментами для мобилизации армий. А кульминацией процесса стало не закрепление общих черт, а истощение и полная утрата языка, религии и обычаев. Обитатели нации говорят на языке капитала, поклоняются у алтаря государства и подчиняют свои обычаи тем, которые дозволяются национальной политикой.

Национализм противостоит империализму только в сфере определений. На практике же национализм был методологией осуществления империи капитала.

Постоянный рост капитала, часто именуемый материальным прогрессом, экономическим развитием или индустриализацией, был главным делом средних классов, так называемой буржуазии. Ведь капитал и был тем, чем они владели, их собственностью; высшие классы владели недвижимостью.

Открытие новых миров богатства чрезвычайно обогатило эти средние классы, но оно же сделало их уязвимыми. Королям и знати, которые первоначально собирали в своих руках награбленное богатство Нового света, не нравилось наблюдать, как почти все их трофеи утекают к их торговцам из среднего класса. Но ничего поделать они не могли. Богатства не поступали в форме, пригодной для употребления; торговцы снабжали короля вещами, которыми тот мог пользоваться, в обмен на разграбление казны. Но и после этого монархи, обнаруживавшие, как они беднеют, пока их торговцы богатеют, не гнушались того, чтобы использовать своих вооруженных слуг для грабежа богатых торговцев. В результате средние классы страдали при старом режиме от постоянных посягательств – посягательств на свою собственность. Королевская армия и полиция не была надежным защитником собственности среднего класса, и могущественные торговцы, которые уже ворочали делами империи, приняли меры для того, чтобы положить конец нестабильности: они взяли в свои руки и политику. Они могли нанимать частные армии, и часто именно так и делали. Но когда на горизонте появились инструменты мобилизации национальных армий и национальной

полиции, подвергающиеся посягательствам дельцы ими воспользовались. Главное достоинство национальных вооруженных сил состоит в том, что они гарантируют: патриотический слуга станет воевать вместе со своим господином против слуг вражеского господина.

Стабильность, обеспечиваемая национальным репрессивным аппаратом, предоставила собственникам нечто вроде тепличных условий, при которых их капитал мог расти, увеличиваться, умножаться. Термин «рост» и его производные происходят из словаря самих капиталистов. Эти люди думают о единицах капитала как о зерне или семени, посеянном в плодородную почву. Весной они видят, как из каждого семени вырастает растение. Летом они собирают так много семян каждого растения, сколько, уплатив за почву, солнечный свет и дождь, они могут посадить, чтобы это количество превышало изначальное. На следующий год они расширяют свое поле и постепенно завладевают всей округой. В реальности, первоначальные «семена» – это деньги; солнечный свет и дождь – это затраченная энергия работников; растения – это фабрики, заводы и шахты; снятый урожай – это товары, кусочки переработанного мира; а избыток или дополнительные семена, прибыль – это доход, который капиталисты оставляют себе вместо того, чтобы распределить его между работниками.

Весь процесс в целом состоит в преобразовании природных веществ в могущие быть проданными вещи, или товары, и в заключении наемных работников в тюрьмы производящих фабрик.

Брак между Капиталом и Наукой несет ответственность за великий скачок в нашу сегодняшнюю жизнь. Чистые ученые открывают компоненты, на которые можно разложить естественную окружающую среду; инвесторы вкладывают свои ставки в различные методы ее разложения; прикладные ученые или менеджеры посылают подчиненных им наемных работников на осуществление проекта. Ученые в области социальных наук ищут пути, как бы сделать работников еще менее человеческими, более эффективными и подобными машине. Благодаря науке, капиталисты смогли превратить большую часть естественной среды в перерабатываемый мир, искусственный механизм и превратить большинство человеческих существ в эффективные приатки этого механизма.

Процесс капиталистического производства анализировали и критиковали многие философы и поэты, особенно Карл Маркс[1], чья критика вдохновила и продолжает вдохновлять активные социальные движения. У Маркса имелось важное «слепое пятно»; большинство его учеников и многие активисты, не являющиеся его учениками, строят свои платформы на этом «слепом пятне». Маркс был полным энтузиастом приверженцем борьбы буржуазии за освобождение от феодальных уз. Кто не был энтузиастом в те дни? Он, подметивший, что господствующие идеи эпохи – это идеи господствующего класса, разделял многие из идей недавно пришедшего к власти среднего класса. Он был энтузиастом Просвещения, рационализма, материального прогресса. Маркс прозорливо подчеркивал, что все время, которое работник затрачивает на воспроизводство своей рабочей силы, с каждой минутой, которую он отдает предписанной ему задаче, он расширяет материальный и социальный аппарат, которые его дегуманизируют. Но тот же самый Маркс был энтузиастом внедрения науки в производство.

Маркс проделал сквозной анализ процесса производства и эксплуатации труда, но сделал лишь беглые и неохотные комментарии насчет предпосылки капиталистического производства и первоначального капитала, которая сделала этот процесс возможным[2]. Без первоначального капитала не могло быть ни инвестиций, ни производства, ни огромного скачка вперед. Эта предпосылка была проанализирована раннесоветским русским марксистом Преображенским, который позаимствовал некоторые догадки у польской марксистки Розы Люксембург для формулирования своей теории первоначального накопления[3]. Под «первоначальным» Преображенский имел в виду фундамент капиталистического строения, основу, предпосылку. Эта предпосылка не может явиться из самого процесса капиталистического производства, так как этот процесс еще не развернулся. Она должна прийти и приходит извне процесса производства. Она пришла из грабежа колоний, из экспроприации и истребления их населения. В ранний период, когда заморских колоний не было, первый капитал, предпосылка капиталистического производства, выкачивался из внутренних колоний – из ограбления крестьян, чьи земли огораживались, а урожаи конфисковывались, из высылки евреев и мусульман, чье имущество экспроприировалось.

Первоначальное накопление капитала не есть нечто, что произошло однажды, в отдаленном прошлом, и больше никогда не повторялось. Это то, что продолжает сопровождать капиталистический процесс производства, составляя его неотъемлемую часть. Описанный Марксом процесс ответственен за то, что регулярные прибыли периодически разрушаются кризисами, внутренне присущими самой системе. Излечить от кризиса всякий раз могут лишь новые инъекции стартового капитала. Без продолжающегося процесса первоначального накопления процесс производства остановился бы; каждый кризис имел бы тенденцию стать постоянным.

Геноцид, рационально просчитанное истребление человеческого населения, рассматриваемого в качестве законной добычи, не был отклонением в преимущественно мирной поступи прогресса. Геноцид явился предпосылкой этого прогресса. Вот почему национальные армии были обязательно необходимы для владельцев капитала. Эти силы не только защищали собственников капитала от бунтарского гнева их собственных эксплуатируемых наемных работников. Эти силы также добывали святой Грааль, волшебный фонарь, первоначальный капитал, круша ворота сопротивляющихся или не сопротивляющихся аутсайдеров, грабя, депортируя и убивая.

Следы, выжженные национальными армиями, – это следы поступи прогресса. Эти патристические армии были и остаются седьмым чудом света. В них волк лежит рядом с овцой, а паук – с мухой. В них эксплуатируемые работники становились приятелями эксплуататоров, утонувшие в долгах крестьяне – приятелями своих кредиторов, неудачники – ловкачей, и все это в ходе кампаний, чьим стимулом выступала не любовь, а ненависть: ненависть к потенциальным источникам первоначального капитала, которых объявляли неверными, дикарями, низшими расами.

Человеческие сообщества, столь же различные по своим путям и верованиям, как птицы по своему оперенью, подвергались вторжениям, ограблению и уничтожению в масштабах, не поддающихся воображению. Обрывки и артефакты исчезнувших обществ собирались как

трофеи и помещались в музеи, как еще одни следы поступи прогресса. Вымершие верования и пути становились курьезами для той или иной из наук завоевателей.

Экспроприированные поля, леса и животные накапливались как источник доходов, как первоначальный капитал – предварительное условие для процесса производства, которому предстояло превратить поля в фермы, деревья – в древесину, животных – в головные уборы, минералы – в военное снаряжение, а выживших людей – в дешевую рабочую силу. Геноцид был и остается предварительным условием, краеугольным камнем и фундаментом военно-промышленных комплексов, перерабатываемой окружающей среды, миров офисов и автомобильных парковок.

Национализм был настолько пригоден для выполнения своей двойной задачи – приручения работников и ограбления чужих – что он привлекал всех – точнее, тех, кто владел или надеялся завладеть долей капитала.

На протяжении 19 столетия, особенно во второй его половине, каждый из собственников инвестируемого капитала обнаружил, что у него имеются корни среди подлежащих мобилизации соотечественников, которые изъясняются на языке его матери и поклоняются богу его отца. Рьяность такого националиста была до прозрачности цинична, ибо он был как раз таким соотечественником, который уже не имел никаких корней среди родни по отцу или матери: он искал спасения в своих сбережениях, молился на свои капиталовложения и разговаривал на языке финансового баланса. Но он научился у американцев и французов, что если он не может мобилизовать соотечественников в качестве своих лояльных слуг, клиентов и потребителей, то может мобилизовать их как лояльных братьев по вере: католиков, православных или протестантов. Языки, религии и обычаи стали сварочным материалом для построения государств-наций.

Сварочные материалы были средствами, а не целью. Задачей национальных образований было не развитие языков, религий или обычаев, а развитие национальных экономик, превращение соотечественников в работников и солдат, родины – в шахты и фабрики, а династических земельных владений – в капиталистические предприятия. Без капитала не было бы ни амуниции, ни снабжения, ни национальных армий, ни наций.

Сбережения и инвестиции, изучение рынка и расчет издержек, навязчивые идеи рационалистических бывших средних классов стали господствующими маниями. Эти рационалистические навязчивые идеи стали не только суверенными, но и исключительными. Индивиды, которые придерживались своих маний, иррациональных, отправлялись в сумасшедший дом.

Нациям обыкновенно не требовалось больше быть монотеистическими. Бывший бог богов утратил свое значение, оставшись лишь одним из сварочных материалов. Нации были моно-маниакальными, и если монотеизм служил господствующей манией, он тоже принимался на службу.

Первая мировая война обозначила конец той фазы процесса национализации, которая началась с Американской и Французской революций, – фазы, которую много раньше возвестили декларация Агирре и бунт голландских вельмож. Вступающие в конфликт друг с другом притязания старых и новообразованных наций в действительности и были причинами этой войны. Германия, Италия и Япония, так же как и Греция, Сербия и колониальная Латинская Америка уже приобрели большинство из атрибутов своих националистических предшественников, превратились в национальные империи, монархии и республики, и наиболее мощные из новичков надеялись приобрести и самый главный из еще недостававших атрибутов – колониальную империю. В ходе этой войны все мобилизуемые компоненты обеих оставшихся династических империй – Османской и Габсбургской – сами перестроились в нации. Когда буржуазии с отличавшимися языками и религиями претендовали на одну и ту же территорию, с более слабым поступали так, как поступали с т.н. американскими индейцами – их уничтожали. Национальный суверенитет и геноцид были – и остаются – взаимно дополняемыми.

Общий язык и религия кажутся дополнением национальности, но это лишь оптическая иллюзия. Как сварочные материалы, языки и религии использовались, когда служили поставленной задаче, если же нет – они отбрасывались. Ни многоязычная Швейцария, ни мультирелигиозная Югославия никогда не исключались из семьи наций. Форма носа и цвет волос также использовались для мобилизации патриотов – тогда и позднее. Общее наследие, корни и прочие общности должны были все удовлетворять одному-единственному критерию – критерию прагматического разума в американском стиле: работают ли они? Все, что работало, использовалось. Общие черты были важны не из-за их культурного, исторического или философского содержания, но потому что они были полезны делу организации полиции для защиты национальной собственности и делу мобилизации армии для грабежа колоний.

Как только та или иная нация создавалась, люди, которые жили на национальной территории, но не обладали общими национальными чертами, могли быть превращены во внутренние колонии, то есть, в источник первоначального, стартового капитала. Без стартового капитала ни одна нация не могла бы стать великой, а нации, которые претендовали на величие, но были лишены соответствующих заморских колоний, могли обратиться к ограблению, истреблению и экспроприации тех своих соотечественников, которые не обладали общими национальными чертами.

Создание государств-наций приветствовали с полным эйфории энтузиазмом как поэты, так и крестьяне, которые сочли, что их музы или их боги вторично и окончательно сочли на землю. Меньше всего восторга посреди реющих знамен и разлетающихся конфетти ощущали бывшие правители, колонизируемые и ученики Карла Маркса.

Свергнутые и колонизируемые не испытывали энтузиазма по вполне понятным причинам. Ученики Маркса не питали энтузиазма, потому что помнили слова своего учителя о том, что национальное освобождение означает национальную эксплуатацию, что национальное

правительство – это исполнительный комитет национального капиталистического класса, и что нация не несет трудящимся ничего, кроме цепей. Эти стратеги ради трудящихся, которые сами были не трудящимися, а такими же буржуа, что и правящие капиталисты, провозглашали, что трудящиеся не имеют отечества, и объединились в Интернационал. Этот Интернационал раскололся на три, и каждый из Интернационалов все больше утверждался в поле марксова «слепого пятна».

Первый Интернационал «увел» бывший русский переводчик Маркса, а затем его антагонист Бакунин – неисправимый бунтарь, бывший ревностным националистом, пока не узнал об эксплуатации от Маркса. Бакунин и его товарищи, бунтари против всех авторитетов, восстали и против авторитета Маркса. Они подозревали Маркса в попытке превратить Интернационал в государство, такое же репрессивное, как феодальное и национальное вместе. Бакунин и его последователи не раздирались противоречиями в своем отрицании всех государств, но у них имелись противоречия в отношении капиталистического предприятия. В еще большей степени, чем Маркс, они прославляли науку, материальный прогресс и индустриализацию. Как бунтари, они готовы были ввязаться в любой бой, но наилучшим считали бой против бывших врагов буржуазии – феодальных помещиков и католической церкви. Поэтому бакунистский Интернационал расцвел а таких местах, как Испания, где буржуазия еще не закончила свою войну за независимость, но вместо этого сама вступила в союз с феодальными баронами и церковью для защиты от восставших рабочих и крестьян. Бакунисты сражались ради завершения буржуазной революции без буржуазии и против нее. Они называли себя анархистами и презирали все государства, но не стали объяснять, как собираются обзавестись первоначальной или дополнительной индустрией, прогрессом и наукой, то есть, капиталом, без армии и полиции. Они никогда так и не получили реального шанса на разрешение своего противоречия на практике, и бакунисты до сегодняшнего дня так и не разрешили его и даже не поняли, что между анархией и индустрией существует противоречие[4].

Второй Интернационал, менее бунтарский, чем Первый, быстро нашел общий язык и с капиталом, и с государством. Основательно застряв в марксовом «слепом пятне», профессора из этих организаций не путались в бакунистских противоречиях. Для них было очевидным, что эксплуатация и грабеж – это необходимые условия для материального прогресса, и они реалистически примирились с тем, что тут уж ничего не поделаешь. Они добивались больших выгод для трудящихся и постов в политическом истеблишменте для себя самих, как представителей этих трудящихся. Как и добрые профсоюзники, которые предшествовали и сопутствовали им, социалистические профессора испытывали смущение в связи с «колониальным вопросом», но это смущение, как и у Филиппа Габсбургского, скорее оставалось в области нечистой совести. Со временем имперские германские социалисты, королевские голландские социалисты и республиканские французские социалисты вообще перестали быть интернационалистами.

Третий Интернационал не только нашел общий язык с капиталом и государством; он сделал их своей целью. Этот Интернационал не был основан бунтовавшими или диссидентствующими интеллектуалами – он был создан государством, Российским государством после того, как большевистская партия уселась в его государственных канцеляриях. Основная деятельность этого Интернационала сводилась к рекламе деяний

перестроенного Российского государства, его правящей партии и основателя этой партии – человека, который именовал себя Лениным. Деяния этой партии и ее основателя были, действительно, весомыми, но рекламодатели все, что было в их силах, чтобы скрыть самые весомые из них.

Первая мировая война оставила две наиболее обширные из империй в затруднительном положении. Поднебесная империя Китая, старейшее из непрерывно существующих государств на планете, и империя царей, наиболее молодая из операций такого рода, разрывались между перспективами превращения в нации-государства и перспективами распада на более мелкие единицы, как это произошло с Османами и Габсбургами.

Ленин разрешил это затруднение для России. Возможно ли такое? Маркс замечал, что один человек в одиночку не может изменить обстоятельства, он может лишь воспользоваться ими. Возможно, Маркс был прав. Деяния Ленина состоят не в том, что он изменил обстоятельства, но в том, что он воспользовался ими необычным образом. Его деяния были монументальными в своем оппортунизме.

Ленин был русским буржуа, который проклял слабость и бездарность русской буржуазии[5]. Энтузиаст капиталистического развития, пламенный почитатель прогресса в американском стиле, он не пожелал иметь дело с теми, кого он проклял, но предпочел связаться с их врагами – антикапиталистическими учениками Маркса. Он воспользовался «слепым пятном» Маркса для того, чтобы превратить марксову критику процесса капиталистического производства в учебник для развивающегося капитала, в путеводитель-«инструкцию». Марксовы штудии эксплуатации и обнищания стали пищей для жаждущего, настоящим рогом изобилия. Американские бизнесмены уже продавали мочу под видом минеральной воды, но ни одному из них еще не удавалось совершить обратное.

Обстоятельства не менялись. Каждый шаг в этой инверсии совершался с использованием обстоятельств, опробованными и испытанными методами. Российское крестьянство нельзя было мобилизовать ссылаясь на его русскость, православие или белую кожу, однако его можно было мобилизовать и его мобилизовали, ссылаясь на его эксплуатируемое, угнетенное состояние, на многолетние страдания под царским деспотизмом. Угнетение и эксплуатация стали сварочным материалом. Долгие страдания под игом царей использовались точно так же и с той же целью, как это делали американцы со скальпированием белых женщин и детей. Их использовали для того, чтобы организовать людей в боевые соединения, зародыш национальной армии и национальной полиции.

Представление диктатора и ЦК партии в качестве диктатуры освобожденного пролетариата казалось чем-то совершенно новым. Но новым оно было только по использованным при этом словам. Это было так же старо, как фараоны и лугали древних Египта и Месопотамии, которые были избраны богами для того, чтобы вести народ, и воплощали народ в своих беседах с богами. Это был опробованный и испытанный трюк правителей. Даже если древние прецеденты были со временем забыты, наиболее недавний прецедентом служил

французский Комитет общественного спасения, который представлял себя как воплощение всеобщей воли нации.

Цель – коммунизм, свержение и ликвидация капитализма – также казалась чем-то новым, изменением обстоятельств. Но новым было только слово, цель диктатора над пролетариатом оставались прогресс в американском стиле, капиталистическое развитие, электрификация, быстрое перемещение масс людей, наука, обработка естественной среды обитания. Целью был капитализм, развить который оказалась неспособна слабая и бездарная русская буржуазия. С «Капиталом» Маркса как факелом и путеводителем, диктатор и его партия хотели развить капитализм в России: они хотели выступить как замена буржуазии и использовать мощь государства не только для полицейского надзора за этим процессом, но и для того, чтобы направлять его и управлять им.

Ленин прожил слишком недолго для того, чтобы продемонстрировать свою виртуозность в роли генерального менеджера русского капитализма, но его преемник Сталин щедро продемонстрировал всю мощь машины, созданной основателем. Первым шагом было первоначальное накопление капитала. Пусть Маркс еще в неполной мере разобрался в этой материи, зато хорошо разобрался Преображенский. Потом он был арестован, но его описание испытанных и опробованных методов добывания первоначального капитала было применено на российских просторах. Первоначальный капитал английских, американских, бельгийских и прочих капиталистов брался из ограбления заморских колоний. У России заморских колоний не было. Но этот недостаток не был препятствием. В колонию была превращена вся российская деревня.

Первым источником для получения первоначального капитала были «кулаки» – крестьяне, у которых и впрямь было что забрать. Но операция оказалась настолько успешной, что ее применили и ко всему остальному крестьянству, рационально ожидая, что небольшие средства, полученные в результате ограбления очень большого числа людей, окажутся в совокупности значительными.

Крестьяне были не единственными колонизируемыми. У бывшего правящего класса уже были экспропрированы все его богатства и собственность, но здесь были найдены новые источники первоначального капитала. Сконцентрировав в своих руках всю тотальность государственной власти, диктаторы быстро обнаружили, что могут создавать источники первоначального накопления. Удачливых предпринимателей, недовольных рабочих и крестьян, членов организаций-конкурентов и даже разочаровавшихся членов самой партии можно было объявить контрреволюционерами, согнать как скот и доставить в трудовые лагеря. Все депортации, массовые расправы и экспроприации старых колонизаторов были снова повторены в России.

Старые колонизаторы, будучи первопроходцами, действовали методом проб и ошибок. Российским диктаторам такие пробы и ошибки были не нужны. К их времени все методы добывания первоначального капитала были уже опробованы и испытаны; их оставалось лично научно применить. Российский капитал развивался в тотально контролируемой среде, в тепличных условиях; все рычаги и переменные находились под контролем национальной полиции. Те функции, которые в менее контролируемой среде отводились случаю или

другим структурам, в российской теплице были переданы полиции. Тот факт, что объекты колонизации находились не вовне, а внутри, а, следовательно, субъект следовало не завоевать, а арестовать, еще больше повышало роль и масштабы полиции. Со временем всемогущая и вездесущая полиция стала зримой эманацией и воплощением пролетариата, а коммунизм превратился в синоним тотальной полицейской организации и контроля.

И, тем не менее, ожидания Ленина не были осуществлены российской теплицей в полной мере. Полиция-в-качестве-капиталистов совершала чудеса в выбивании первоначального капитала из контрреволюционеров, но далеко отставала в управлении процессом капиталистического производства. Возможно, окончательно говорить об этом еще рано, но к настоящему моменту эта полицейская бюрократия оказалась столь же бездарной, как и проклинаящаяся Лениным буржуазия. Ее способность к обнаружению все новых источников первоначального капитала, как кажется, – единственное, что все еще поддерживает ее на плаву.

Да и привлекательность этого аппарата оказалась не на уровне ленинских ожиданий. Ленинистский полицейский аппарат привлекал не бизнесменов или политиков истэблшмента; он не рекомендовал себя в роли более совершенного метода управления процессом производства. Он взывал к совсем иному социальному классу, который я попытаюсь вкратце описать. И обращался он к этому классу в первую очередь как метод установления национальной власти, а во вторую очередь – как метод первоначального накопления капитала.

Наследниками Ленина и Сталина стали не настоящие преторианские гвардейцы, реальные обладатели экономической и политической власти от имени и для ставшего излишним монарха. Это были дублеры преторианцев, ученики экономической и политической власти, которые отчаялись добиться даже среднего уровня власти. Ленинистская модель открыла этим людям перспективы перескочить средний уровень и сразу попасть в центральный дворец.

Учениками Ленина стали клерки и низшие чиновники, такие люди как Муссолини, Мао Цзэдун и Гитлер, – люди, которые, подобно самому Ленину, проклинали свою слабую и бездарную буржуазию за неспособность добиться величия их наций.

(Я не включаю в число учеников Ленина сионистов, потому что они принадлежат к более старшему поколению. Они были современниками Ленина, которые, возможно даже независимо от него, открыли мощь преследований и страданий в качестве сварочного материала для мобилизации национальной армии и полиции. Сионисты внесли и иной, свой собственный вклад. Их трактовка рассеянного религиозного населения как нации, навязывание ими капиталистической нации-государства как самой важной для населения вещи и сведение религиозного наследия к расовому внесли существенный вклад в националистическую методологию, и эти элементы имели фатальные последствия, когда они обрушены на еврейское население, а отнюдь не только на сионистов, населением,

спаянным вместе в виде «германской расы»).

Муссолини, Мао Цзэдун и Гитлер пробилась через завесу лозунгов и увидели в деяниях Ленина и Сталина то, чем они на самом деле и были: успешные методы захвата и удержания государственной власти. Все трое применили эту методологию к своему содержанию. Первым шагом было объединиться с единомышленниками из числа учеников власти и сформировать ядро политической организации – агрегат, именуемый, вслед за Лениным, партией. Следующим шагом стало обретение массовой базы, наличных подразделений и их поставщиков. Третьим – захват аппарата государства: усадить своих теоретиков в кресла дуче, председателя или фюрера, распределить полицейские и управленческие функции среди элиты или кадров и отправить массовую базу работать. Четвертым шагом было обеспечение первоначального капитала, необходимого для восстановления или создания военно-индустриального комплекса, способного поддерживать национального лидера и кадры, полицию и армию и промышленных менеджеров. Без этого капитала не могло быть оружия, без оружия не могло быть власти, не могло быть нации.

Далее, ученики Ленина и Сталина приспособили методологию к собственным нуждам в деле рекрутирования сторонников: они свели к минимуму ссылки на капиталистическую эксплуатацию и сосредоточились на национальном угнетении. Разговоры об эксплуатации больше не служили выполнению их задачи и даже начинали стеснять, поскольку всякому, и особенно наёмным работникам, было очевидно, что добившиеся успеха революционеры отнюдь не ликвидируют наемный труд, но, наоборот, расширяют его сферу.

Столь же прагматичные, как американские бизнесмены, новые революционеры вели речь уже не об освобождении от наёмного труда, а о национальном освобождении[6]. Такого рода освобождение было не мечтой романтиков-утопистов, а как раз тем, что было вполне возможно, причем возможно в уже существующем мире – достаточно было всего лишь использовать уже имеющиеся обстоятельства, чтобы осуществить его.

Национальное освобождение состояло в освобождении национального вождя и национальной полиции от оков бессилия: утверждение вождя у власти и учреждение полиции были не высосанными из пальца мечтами, но частью испытанной и проверенной стратегии, наукой.

Фашистская и Национал-социалистическая партия первыми доказали, что эта стратегия работает, что деяния большевистской партии и в самом деле можно повторить. Национальные вожди и их штабы утвердились во власти и начали добывать первоначальный капитал, необходимый для национального величия. Фашисты залезли в один из последних не подвергшихся завоеванию уголков Африки и принялись высасывать его как ранние индустриализаторы высасывали свои колониальные империи. Национал-социалисты избрали первым источником для своего первоначального накопления евреев – часть внутреннего населения, которая принадлежала к «объединенной Германии» так же долго, как и остальные немцы. Это было сделано потому, что многие из евреев, как и сталинские кулаки, имели то, что можно было разграбить.

Сионисты еще до национал-социалистов стали трактовать религию как расу, а как использовать инструмент расизма, национал-социалисты могли видеть из опыта американских пионеров.

Гитлеровской элите было достаточно просто перевести свод американских расистских «исследований» и оснастить свои научные институты обширными библиотеками. Национал-социалисты обошлись с евреями во многом так же, как американцы ранее обошлись с туземным населением Северной Америки, с той разницей, что национал-социалисты применили более развитую и мощную технологию для того, чтобы депортировать, экспроприировать и уничтожать людей. Но в этом они, как более поздние массовые убийцы, не были новаторами: скорее, они приспособивались к тем обстоятельствам, какие они застали.

К фашистам и национал-социалистам примкнули японские строители империи, которые опасались, что разваливавшаяся Поднебесная империя станет источником для первоначального накопления российских или революционных китайских индустриализаторов. Сформировав Ось, тройка принялась превращать в источники первоначального накопления целые континенты. Другие нации не беспокоили их, пока те не стали подбираться к колониям и метрополиям утвердившихся капиталистических держав. Превращение уже имевшихся капиталистов в колониальную добычу могло осуществляться внутри страны, где оно всегда было законным, начиная с момента, когда правители наций стали писать свои законы, и его уже практиковали внутри страны ленинисты и сталинисты. Но подобная практика вела бы к изменению обстоятельств, и ее нельзя было осуществить вовне, не вызвав мировой войны.

Державы Оси надорвались и проиграли.

После войны многие благоразумные люди говорили, что страны Оси преследовали иррациональные цели, а Гитлер был сумасшедшим. Но те же благоразумные люди назовут здоровыми и рациональными таких людей, как Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, хотя эти люди планировали и начали завоевание огромного континента, депортацию и истребление его населения, причем в эпоху, когда подобный проект был еще менее осуществим, чем проект стран Оси[7]. Правда, технологии, равно как и физическая, химическая, биологическая и социальная наука, которые применялись Вашингтоном и Джефферсоном, сильно отличались от тех, которые использовались национал-социалистами. Но если знание – это власть, если для ранних пионеров было рациональным калечить и убивать с помощью пороха в эпоху конных дилижансов, почему же для национал-социалистов должно было быть иррациональным калечить и убивать с помощью мощной взрывчатки и химических веществ в эпоху ракет, подводных лодок и «скоростных автострад»?

Нацисты были даже еще более ориентированы на науку, чем американцы. В свое время они были синонимом научной эффективности для большей части мира. Они собирали материалы обо всем, сводили свои изобретения в таблицы и классифицировали их, публиковали свои сводки в научных журналах. У них даже расизм был достоянием не демагогов с фронта, а прекрасно оснащенных институтов.

Многие благоразумные люди, как кажется, смешивают безумие с неудачей. Но и это не ново. Многие называли Наполеона безумцем, когда он находился в заключении или в изгнании, но когда он вновь явился как император, те же самые люди заговорили о нем с уважением и даже благоговением. Заключение в тюрьму и изгнание считаются не только лекарствами от безумия, но и его показателями. Провал означает глупость.

Мао Цзэдун, третий национал-социалистический пионер (или национал-коммунистический»; второе слово не значит ровным счетом ничего, потому что является всего лишь историческим реликтом; годится и выражение «левый фашист», но оно имеет еще меньшее значение, чем выражения со словом «национал») сумел сделать для Поднебесной империи то же, что Ленин сделал для империи царей. Старейший бюрократический аппарат мира не распался на более мелкие единицы или колонии других индустриализаторов. Он воспрянул, блестяще измененный, как Народная республика, маяк для «угнетенных наций».

Председатель и его кадры пошли по стопам долгой вереницы предшественников и превратили Поднебесную империю в огромный источник первоначального капитала, совершив это с применением чисток, преследований и последующего «великого скачка вперед».

Следующая стадия – запуска капиталистического производственного процесса – была совершена по российскому образцу, то есть силами национальной полиции. В Китае это сработало не лучше, чем в России. Очевидно, предпринимательские функции следовало возлагать на вызывающих доверие людей или дельцов, которые способны обмануть людей, полицейские же внушают мало доверия. Но для маоистов это было столь же неважно, как и для ленинистов. Важным оставался процесс капиталистического производства, по меньшей мере, столь же важным, как упорядоченные усилия по первоначальному накоплению, поскольку без капитала нет ни власти, ни нации. Но маоисты не слишком (или еще меньше) претендовали на то, что их модель является более совершенным методом индустриализации, и в этом они оказывались скромнее, чем русские. Соответственно, они были и меньше разочарованы в результатах своей промышленной политики.

Маоистская модель предлагалась охранникам-гвардейцам и ученикам мира как испытанная и опробованная методология власти, как научная стратегия национального освобождения. Известная повсюду как «идеи Мао Цзэдуна»[8], эта наука открывала перед стремящимися стать председателями и кадрами перспективу беспрецедентной власти над живыми существами, деятельностью людей и даже их мыслями. Папа и священники католической церкви, со всеми их инквизициями и исповедями никогда не обладали такой властью – не потому что они ее не хотели, но потому что у них не было инструментов, которые стали доступны благодаря современной науке и технологии.

Освобождение нации есть последняя стадия в устранении паразитов. Капитализм уже раньше очищал природу от паразитов и свел большую часть оставшейся природы к роли сырья для обрабатывающей промышленности. Современный национал-социализм или

социал-национализм задался целью устранить «паразитов» и из человеческого общества. Люди-«паразиты» – обычный источник первоначального капитала; но капитал не всегда «материален»; он может быть также культурным или «духовным». Народные обычаи, мифы, поэзия и музыка, разумеется, ликвидированы; кое-что из музыки и костюмов бывшей «народной культуры» затем вновь появляются, в переработанном и упакованном виде, как элементы национального спектакля, декорации для национальных усилий по накоплению; обычаи и мифы становятся сырьем для обработки одной или нескольких «гуманитарных наук». Ликвидируется даже не поддающееся использованию чувство работника по отношению к его отчужденному наемному труду. Когда нация освобождена, наемный труд перестает быть обременительной ношей и становится национальной обязанностью, которую должно исполнять с радостью. Члены полностью освобожденной нации читают оруэлловский «1984» как работу по антропологии, описание прошлого века.

Сатирически отзываться об этом положении дел больше невозможно. Любая сатира рискует превратиться в библию для очередного нового национально-освободительного фронта[9]. Любой сатирик рискует стать основателем новой религии, Буддой, Заратустрой, Иисусом, Мухаммедом или Марксом. Любая демонстрация разрушительности господствующей системы, любая критика ее функционирования становится фуражом для лошадей освободителей, цементирующим материалом для строителей армий. Идеи Мао Цзэдуна в их многочисленных версиях и ревизиях – это тотальная наука и тотальная идеология; это – социальная физика и космическая метафизика. Французский Комитет общественного спасения претендовал на воплощение общей воли одной лишь французской нации. Ревизии идей Мао Цзэдуна претендуют на воплощение общей воли всех угнетенных мира.

Постоянные ревизии этих Идей необходимы, потому что их первоначальные формулировки были применимы не для всех, а точнее только для населений одной из колонируемых стран мира. Ни одна из колоний в мире не обладала китайским наследием сохранения государственного аппарата на протяжении прошедших 2000 лет. Мало кто из угнетенных в мире обладал какой-нибудь из характеристик нации в столь давнем или отдаленном прошлом. Идеи Мао должны были быть адаптированы к народам, чьи предки жили без национальных вождей, армий или полиций, без капиталистических процессов производства и, следовательно, без надобности в первоначальном капитале.

Эти ревизии совершались, обогатив первоначальные Идеи заимствованием из Муссолини, Гитлера и сионистского государства Израиль. Центральным принципом была теория Муссолини о том, что нация находит свое завершение в государстве. Любые группы людей, маленькие или большие, индустриальные или неиндустриальные, сконцентрированные или рассеянные, рассматривались как нации, не в смысле их прошлого, а в смысле их ауры, их потенциала – потенциала, воплощенного в их фронтах национального освобождения. Другим центральным принципом было гитлеровское (и сионистское) отношение к нации как к расовой общности. Кадры рекрутировались из людей, уже лишившихся родства и обычаев предков, и, как следствие, освободители не отличались от угнетателей по языку, верованиям, обычаям или вооружению. Единственным цементирующим материалом, который связывал их друг с другом и с их массовой базой, был тот же, который соединял белых слуг с белыми хозяевами на американском Фронтире: «узы расы» давали идентичность тем, кто остался без идентичности, родство тем, у кого не было родни,

общину тем, кто потерял свою общину. Это была последняя связующая нить для лишившихся культуры[10].

Теперь подвергшиеся ревизии идеи могут быть применены к африканцам и навахо, апачам и палестинцам[11]. О заимствованиях у Муссолини, Гитлера и сионистов благообразно умалчивают, поскольку Муссолини и Гитлеру не удалось в итоге удержаться у власти, а добившиеся успеха сионисты превратили свое государство в мирового полицейского против всех остальных национально-освободительных фронтов. Ленин, Сталин и Мао Цзэдун должны пользоваться еще большим доверием, чем они заслужили.

Подвергшиеся ревизии и универсально применимые модели работают так же, как оригиналы, но более плавно; национальное освобождение превратилось в прикладную науку; аппарат многократно опробован; многочисленные перегибы в оригиналах теперь сглажены. Все что нужно для того, чтобы запустить хитроумное изобретение, – это водитель, ремень передачи и топливо.

Водитель – это, разумеется, сам теоретик или его ближайший ученик. Ремень передачи – это генеральный штаб, организация, именуемая также Партией или компартией. Эта компартия с маленькой буквы – именно то, чем ее обычно и считают. Это ядро полицейской организации, которая проводит чистки и сама подвергнется чистке, когда лидер станет Национальным Лидером, и ему понадобится ревизия неизменных Идеи для того, чтобы приспособиться к семье наций или, по меньшей мере, к семье банкиров, поставщиков снаряжения и инвесторов. А топливо – угнетенная нация, страдающие массы, освобожденный народ являются и останутся топливом.

Вождь и его генштаб не падают с неба; это не агитаторы извне. Они целиком продукты капиталистического процесса производства. Этот процесс производства неизменно сопровождается расизмом. Расизм не является необходимым компонентом производства. Но он (в той или иной форме) – необходимый компонент первоначального накопления капитала, а потому почти всегда перетекает и в процесс производства.

Индустриализированные нации добывали свой первоначальный капитал, экспроприруя, депортируя, преследуя и подвергая сегрегации людей, рассматриваемых ими как законную добычу – если не уничтожая их совсем. Узы родства порывались, окружающая среда разрушалась, культурные ориентиры и обычаи искоренялись. Потомки выживших в таких бойнях могли быть счастливы, если им удавалось сохранить хоть малейшие реликты, зыбкие тени культуры предков. У многих не осталось даже тени: они были полностью истощены, приставлены к работе и затем расширяли механизм, который разрушил культуру их предков. А в мире работы они были оттеснены на самый край и должны были заниматься самым неприятным и низкооплачиваемым трудом.

Национализм продолжает привлекать этих изнуренных, потому что другие перспективы кажутся еще суровее. Культура предков уже разрушена, поэтому, с точки зрения

прагматических стандартов, она потерпела провал; из предков выжили лишь те, кто приспособился к системе завоевателей и выжил на окраинах мусорных куч. Различные утопии поэтов и мечтателей, разнообразные «мифологии пролетариата» также потерпели неудачу, они не оправдали себя на практике, оказавшись всего лишь маревом, несбыточными мечтами, журавлем в небе; современный пролетариат настроен так же расистски, как хозяева и полиция.

Упаковщик и охранник потеряли контакт со старой культурой; мечты и утопии их не интересуют, отброшенные с практичным презрением бизнесмена к поэтам, бродягам и мечтателям. Национализм же предлагает им нечто конкретное, то, что было испытано, опробовано и, как всем известно, работает. Для потомков преследуемых нет никакой земной необходимости оставаться преследуемыми, когда национализм открывает перед ними перспективу превратиться в преследователей.

Близкие и дальние родственники жертв могут стать расистским государством-нацией; они сами могут загонять других людей в концлагеря, изгонять их по своей воле, вести против них геноцидную войну и, экспроприируя их, добывать первоначальный капитал. И если это могут делать «родственники по расе» гитлеровских жертв, то могут также близкие и дальние родственники жертв Вашингтона, Джексона, Рейгана или Бегина.

Любое угнетенное население может стать нацией, фотографическим негативом нации-угнетателя, местом, где бывший упаковщик становится менеджером супермаркета, а бывший охранник – шефом полиции. Используя правильную стратегию, любой охранник может последовать примеру преторианских гвардейцев Древнего Рима. Полиция, охраняющая иностранный горнорудный трест, может провозгласить себя республикой, освободить народ и продолжать освобождать его до тех пор, пока люди не начнут молиться за то, чтобы их освобождение, наконец-то, закончилось. Еще до захвата власти какая-нибудь банда может назвать себя «фронтом» и предложить задавленным тяжкими налогами и постоянными полицейскими преследованиями беднякам что-нибудь такое, чего у тех нет: организацию, собирающую с них дань, и передовой отряд, то есть дополнительных сборщиков налогов и полицейских – на сей раз, «своих», «народных».

Таким путем люди могут быть освобождены от черт своих, ставших жертвами, предков; все реликты, которые выжили с доиндустриальных времен и из некапиталистических культур, могут, по крайней мере, постоянно вырываться с корнем.

Идея о том, что само понимание геноцида, память о Холокосте могут привести людей к желанию разрушить систему, ошибочна. Сохраняющаяся привлекательность национализма предполагает, что более верно обратное, а именно, что понимание геноцида ведет людей к мобилизации армий на дело геноцида; что память о Холокосте приводит людей к совершению новых Холокостов. Чувствительные поэты, которые оплакивают потери, ученые, которые подкрепляют их документами, похожи на тех «чистых» ученых, которые открывали строение атома. Прикладные ученые использовали их открытия для расщепления атомного ядра и производства оружия, которое может расщепить что угодно; националисты используют поэзию для того, чтобы расщеплять и соединять население, мобилизовать армии на геноцид и совершать новые Холокосты.

«Чистые» ученые, поэты и исследователи считают себя невиновными в опустошении сельских местностей и расчлени тел. Но разве они невиновны?

Мне представляется, что, по крайней мере, одно из замечаний Маркса справедливо: каждая минута, посвященная капиталистическому процессу производства, любая мысль, вносящая вклад в развитие индустриальной системы лишь расширяют еще больше ту власть, которая враждебна природе, культуре, жизни. Прикладная наука не есть нечто внешнее и чуждое, она – составная часть капиталистического процесса производства.

Национализм не падает с неба. Он – продукт капиталистического процесса производства, такой же как химические вещества, отравляющие озера, воздух, животных и людей, как атомные станции, заражающие радиоактивностью микро-среду и готовящие заразить макро-среду.

В качестве постскриптума мне хотелось бы ответить на один вопрос еще до того, как он задан. Вот этот вопрос: «Не считаешь ли ты, что потомки угнетенных народов лучше в качестве менеджеров супермаркета или шефа полиции?». Я отвечу на него другим вопросом: А какой комендант концлагеря, национальный палач или пыточных дел мастер не является потомком угнетенного народа?

Примечания

[1] Первый том «Капитала» Маркса носит подзаголовок «Критика политической экономии».

[2] См. главу 24 первого тома «Капитала» – «Так называемое первоначальное накопление».

[3] См.: Е.А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922 – 1928. Т.1, 2. М., 2008. В этой книге автор провозглашает судьбоносный «закон первоначального социалистического накопления».

[4] Примечание переводчика: Здесь автор не совсем прав и демонстрирует недостаточное знание идей и практики анархизма и анархо-синдикализма, в котором, помимо индустриалистского течения, существовало и направление, которое стремилось разрушить систему капиталистического производства, гигантомании и гипертрофирования индустрии (в том числе и в Испании).

[5] См. написанное Лениным в «Развитии капитализма в России»: «Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей...» (В.И. Ленин. Полн.собр.соч. М., 1971. Т.3. С.601)

[6] Или освобождение государства: «Наш миф – это нация, наш миф – это величие нации». «... Государство создает нацию, давая волю, а следовательно эффективное существование народу, сознающему собственное моральное единство». «Максимум свободы всегда обуславливается максимумом силы государства». «Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства» – цитаты из Муссолини и Джентиле «Что такое фашизм» и «Доктрина фашизма».

[7] «... Постепенное расширение наших поселений, несомненно, побудит отступить как дикарей, так и волков; и те, и другие – хищники, они отличаются только добычей» (Джордж Вашингтон, 1783 г.). «... Если мы бываем принуждены поднять топор против какого-нибудь племени, мы никогда не складываем его, пока это племя не будет истреблено или изгнано...» (Т. Джефферсон, 1807 г.). «... Жестокие убийства, совершенные ими в отношении застигнутых врасплох женщин и детей на наших границах, заставят нас теперь преследовать их вплоть до уничтожения или вытеснить их на новые места, вне пределов нашей досягаемости» (Т. Джефферсон, 1813 г.). Цит. по: Richard Drinnon. Facing West: The Metaphysics of Indian-Hating and Empire Building. New York: New American Library, 1980. P.65, 96, 98.

[8] «Идеи Мао» изложены в его знаменитом «Цитатнике» («Красной книге»).

[9] Издательство Black & Red попыталось высмеять эту ситуацию, выпустив мнимое «Наставление для революционного вождя», нечто вроде «руководства к действию», автор которого Майкл Велли предлагал современному революционному государю делать то, что Макиавелли предлагал феодальному государю. Это издевательское «Наставление» соединило «идеи Мао Цзэдуна» с идеями Ленина, Сталина, Муссолини, Гитлера и их современных последователей и предлагало драконовские рецепты подготовки революционной организации и захвата тотальной власти. К замешательству издателей, не менее половины заказов на «Наставление» поступило от кандидатов в национал-освободители, и возможно, что некоторые из нынешних версий националистической метафизики содержат рецепты, предложенные Майклом Велли.

[10] Примечание переводчика: Разумеется, речь идет не об абстрактном «оплакивании» исчезнувших племенных и прочих докапиталистических структур и кровнородственных связей. Как справедливо замечал Эрих Фромм («Бегство от свободы»), эти отношения, культуры и связи с их групповой идентичностью и подчинением навязанному от рождения традиционному образу жизни отнюдь не являлись сферой человеческой свободы. Действительно, они были уничтожены во многом насильственно, но задача состоит не в том, чтобы искусственно законсервировать или реконструировать их. Более того, как показывает Перлман, их сохранившиеся элементы активно используются для «легитимации» современного национализма.

[11] Я не преувеличиваю. Передо мной лежим брошюра размером с книгу, озаглавленная «Мифология белого пролетариата» (J. Sakai. The Mythology of the White Proletariat: A Short Course for Understanding Babylon. Chicago: Morningstar Press, 1983). Будучи приложением «идей Мао Цзэдуна» к американской истории, это одна из самых впечатляющих маоистских работ, которые я когда-либо видел. Автор описывает, иногда весьма живо, угнетение

порабощенных африканцев в Америке, депортации и истребление индейцев Американского континента, расистскую эксплуатацию китайцев, заключение в концлагеря американских японцев. Автор привлекает весь этот опыт полного террора не для того, чтобы искать путей замены увековечившей его системы, но чтобы призвать жертвы воспроизвести ту же самую систему самим. Сдобренный картинками и цитатами из председателей Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и Хо Шимина, сей труд даже не пытается хоть как-то скрыть или замаскировать свои репрессивные цели: он призывает африканцев и навахо, апачей и палестинцев организовать партию, захватить государственную власть и ликвидировать паразитов.

Против Его-истории, против Левиафана. Глава 1. Золотой век

1984, источник: [здесь](#).

« Мы здесь как на темнеющей равнине, Несемся со спутанными тревогами
борьбы и бегства Где армии невежд гремят в ночи. (Мэтью Арнольд)

« Здесь нельзя ни стоять, ни лгать, ни сидеть В горах нет даже тишины, Но
сухой, чистый гром без дождя... (Т.Э. Элиот)

Темная равнина здесь. Это пустынная земля: Англия, Америка, Россия, Китай, Израиль, Франция...

И мы здесь, как жертвы, или как зрители, или как лица, виновные в пытках, массовых убийствах, отравлениях, манипуляциях, грабежах.

Ніс Rhodus! (здесь Родос!) Это место, где можно прыгать, место для танцев! Это пустыня! Было ли оно когда-нибудь другим? Это дикость! Вы называете это свободой? Это варварство! Здесь борьба за выживание. Разве мы не всегда знали это? Разве это не секрет? Разве это не была большая публичная тайна?

Это остается тайной. Это общеизвестно, но не общепризнанно. Публичная пустыня, где-то в другом месте, варварство за границей, дикость на лице другого. Сухой, чистый гром без дождя, путанные тревоги борьбы и бегства, проецируются наружу, в великое неизвестное, через моря и над горами. Мы на стороне ангелов.

Фигура с львиным телом и головой мужчины, Взгляд пустой и безжалостный, как солнце, Двигает своими вялыми бедрами... (Уильям Батлер Йейтс)

... двигает своими вялыми бедрами против проецируемой дикой местности, против отраженного варварства, против дикого лица, которое смотрит из пруда. Его движение, опустошило пруд, уничтожило его берега, оставив засушливый кратер там, где была жизнь.

В чудесно пронизательной книге под названием «За пределами географии», которая также выходит за рамки истории, технологии и цивилизации, Фредерик У. Тернер (не путать с Фридрихом Джексоном Тернером, переселенцем, адвокатом) рисует занавес и наводняет сцену светом.

Другие опустили занавес до Тернера; это те, кто сделал тайну публичной: Тойнби, Дриннон, Дженнингс, Каматт, Дебор, Зерзан в числе современников, чьи огни я позаимствовал; Мелвилл, Торо, Блейк, Руссо, Монтень, Лас-Касас в числе предшественников; Лао-цзы в давние времена, которые еще письменная память способна охватить.

Тернер заимствует огни человеческих сообществ за пределами цивилизации, чтобы видеть за пределами географии. Он смотрит глазами обездоленных этого когда-то прекрасного мира, который покоится на спине черепахи, это двойной континент, пруды которого опустели, чьи берега были арендованы, леса которого стали засушливыми кратерами с того дня, когда его называли Америкой.

... огромное изображение Spiritus Mundi (Мировой Души) смущает мой взгляд...

Сосредоточив внимание на изображении, Йейтс спросил:

И что за грубый зверь дождался часа,
И в Вифлеем ползет, чтобы родиться там?

Видение так же понятно для Тернера, как и для Йейтса:

Вновь тьма нисходит; но теперь я знаю,
Каким кошмарным скрипом колыбели
Разбужен мертвый сон тысячелетий.

Старые пророки возвратились, чтобы поделиться своими видениями со своими общинами, так же, как женщины делились своей кукурузой и мужчины своей охотничьей добычей.

Но сообщества нет. Сама память о сообществе — это туманный образ из Spiritus Mundi.

Провидец теперь изливает свое видение на листы бумаги, на берегах засушливых кратеров, где вооруженные хулиганы стоят на страже и требуют пароль, «Положительных доказательств». Никакое видение не может пройти мимо их ворот. Единственная песня, которая проходит, — это песня, сухая и трупная, как окаменелости в песках.

Тернер, сам стражник, профессор, имеет смелость Бартоломе де Лас Касаса. Он штурмует ворота, отказывается дать пароль, и он поет, он говорит, он почти танцует.

Доспехи снимаются. Даже если они носятся не просто, как одежда или маска, даже если они приклеены к лицу и телу, даже если кожа и плоть должны быть содраны вместе с ними, доспехи снимаются.

В последнее время многие штурмуют ворота. Только недавно воспели, что сеть заводов и шахт была архипелагом ГУЛАГ, и все рабочие были зэками (а именно, призывниками, заключенными, членами рабочей бригады). Другие воспели, что нацисты проиграли войну, но их новый порядок нет. Рантеры (протестантская секта, придерживалась пантеистических взглядов, действовала в 16-17 веке в Англии) теперь легион. Это дождь? Это сумерки нового рассвета? Или это сумерки, в которых, только сова Минервы может видеть, потому что днем все соответствует обычаю?

Тернер, Тойнби и другие сосредоточены на звере, который разрушает единственный известный дом живых существ.

Тернер подписывает свою книгу «Западный Дух против Дикой Местности». Под западным духом он подразумевает мироощущение или состояние, душу или дух западной цивилизации, известные в наши дни как цивилизация.

Тернер определяет дикую местность так же, как ее определяет западный дух, за исключением того, что термин является положительным для Тернера и отрицательным для Западного Духа: Дикая Местность охватывает всю природу и все человеческие сообщества за пределами цивилизации.

В «Постижении истории» Арнольд Тойнби выразил энтузиазм по поводу истории и цивилизации. Увидев подъем и падение Нацистского Третьего Рейха и все утонченности, которые он принес со своим существованием, Тойнби потерял энтузиазм. Он выразил эту потерю в книге под названием «Человечество и Мать-Земля». Видение в этой книге — родство с Тернером: Человечество разрывает Мать-Землю на куски.

Термин Тойнби «Человечество» охватывает дух Запада, а также человеческие сообщества за пределами цивилизации, а его Мать-Земля охватывает всю жизнь.

Я возьму термин Тойнби «Мать-Земля». Она первый герой. Она жива, она сама жизнь. Она оплодотворяет и рождает все, что растет. Многие называют ее Природой. Христиане называют ее дикой местностью. Другое имя Тойнби для нее — биосфера. Она — суша, вода и земля, окружающие нашу планету. Она единственная среда обитания живых существ. Тойнби описывает ее как тонкую, нежную кожу, не выше, чем самолеты могут летать и не ниже, чем могут быть выкопаны шахты. Известняк, уголь и нефть являются частью ее субстанции, это материя, которая когда-то жила. Она избирательно фильтрует излучение солнца, таким образом, чтобы жизнь не сгорела. Тойнби называет ее наростом, ореолом или ржавчиной на поверхности планеты, и он предполагает, что других биосфер не может быть.

Тойнби говорит, что человечество, человеческие существа, другими словами Мы, очень сильны, более могущественные, чем любые другие живые существа, и, наконец, более могущественны, чем Биосфера. Человечество имеет право разрушить тонкую кору и делает это.

Есть много способов говорить о ловушке. Ее можно описать с точки зрения саморегулируемой среды, охотника, пойманного животного. Ее можно даже описать с точки зрения самой ловушки, а именно с объективной, научной, технологической точки зрения.

Существует много точек зрения объяснения разрушения биосферы. С точки зрения одного главного героя, самой Земли, можно сказать, что она совершает самоубийство. Можно сказать, что с двумя главными героями, Человечеством и Матерью Землей, мы убиваем Ее. Те из нас, кто соглашаются с этой точкой зрения и извиваются от стыда, могли бы пожелать, чтобы мы были китами. Но те из нас, кто принимает точку зрения, пойманного в ловушку животного, будут искать третьего главного героя.

Главный герой Тойнби, человечество, слишком размыт. Он охватывает все цивилизации, а также все общины за пределами цивилизации. И все же общины, как показывает сам Тойнби, сосуществовали с другими существами в течение тысяч поколений, не причиняя вреда Биосфере. Они не охотники, а добыча.

Кто же является мародером биосферы? Тернер указывает на западный дух. Это герой, который из всех сил старается противостоять дикой местности, призывающей к войне Духа против Природы, Души против Тела, Технологии против Биосферы, Цивилизации против Матери-Земли, Бога против всех.

Марксисты указывают на капиталистический способ производства, иногда только на капиталистический класс. Анархисты указывают на государство. Каматт указывает на «Капитал». Новые Рантеры указывают на технологию или цивилизацию, или на то, и другое.

Если главный герой Тойнби, человечество, слишком размыт, многие другие слишком ограничены.

Марксисты видят только пыль в глазах врага. Они заменяют своего злодея героем: антикапиталистическим способом производства, революционным учреждением. Они не видят, что их герой — это та же самая «фигура с львиным телом и головой человека, пустым и безжалостным взглядом, как солнце». Они не видят, что антикапиталистический способ производства хочет только опередить его брата в разрушении биосферы.

Анархисты столь же разнообразны, как и человечество. Есть правительственные и коммерческие анархисты, а также несколько наемных работников. Некоторые анархисты отличаются от марксистов только тем, что они менее информированы. Они вытеснили бы государство сетевыми компьютерными центрами, фабриками и шахтами, координируемыми «самими рабочими» или анархистским союзом. Они не назвали бы этот договор государством. Изменение имени изгнало бы зверя.

Каматт, Новые Рантеры и Тернер относятся к злодеям марксистов и анархистов как к атрибутам главного героя. Каматт дает монстру тело; он называет монстра «Капитал», заимствуя термин у Маркса, но придавая ему новый контент. Он обещает описать происхождение и траекторию движения монстра, но еще не сделал этого. Новые Рантеры заимствовали огни у Л. Мамфорда, Ж. Эллюля и других, но, насколько мне известно, не прошли дальше, чем Каматте.

Тернер идет дальше. Его цель — описать только дух монстра, но он знает, что тело монстра разрушает тела человеческих сообществ и тело Матери-Земли. Он много говорит о происхождении и траектории движения монстра, и он часто говорит о его успехах. Назвать монстра или описать его тело — это уже выходит за рамки его цели.

Моя цель — говорить о теле зверя. Ибо у него есть тело, чудовищное тело, тело, которое стало более мощным, чем биосфера. Это может быть тело без признаков жизни. Это может быть мертвая вещь, огромный труп. Он может перемещать свои вялые бедра только тогда, когда в нем обитают живые существа. Тем не менее, его тело — это то, что разрушает. Если Биосфера — это всплеск на поверхности планеты, зверь, разрушающий ее, также является разрастанием. Мародер Земли — это ржавчина или ореол на поверхности человеческого сообщества. Он не выделяется из организма каждой общиной, Человечеством. Тойнби обвиняет крошечное меньшинство, некоторых общин. Возможно, трупный зверь был выделен только одной общиной среди несчетного числа.

Трупный зверь, выделенный человеческим сообществом, не старше двух или трех сотен поколений. Прежде чем обратиться к нему, я взгляну на человеческие сообщества, потому что они намного старше — это тысячи поколений.

Нам говорят, что даже человеческие сообщества молоды, что существовал век, когда все было водой, пока ондатра не нырнула к морскому дну и не принесла землю на спину черепахи. Так нам сказали.

Предположительно, первые ходоки, которые воспользовались усилиями ондатры, были великанами или богами, которых в наши дни называют динозаврами.

Современные грабители могил выкапывают кости этого божества и показывают их в стеклянных контейнерах положительных доказательств. Грабители могил используют эти костные доводы, чтобы издеваться над всеми историями, кроме их собственных, в человеческой памяти. Но истории грабителей могил более скучны, чем множество других историй, и их доводы костей проливают свет только на самих грабителей могил.

Истории столь же разнообразны, как и их рассказчики. Во многих рассказах, память стремиться достичь того возраста, когда она была заложена в бабушке, которая знала пловцов, гусениц и ходоков, как своих родственников, потому что она ходила на задних ногах не чаще, чем они.

В одном древнем рассказе первая бабушка упала на землю из ямы в небе.

В современном отчете она была рыбой с мордой, которая, игриво практикуясь, упражнялась в дыхании, придерживая свою морду над водой, выживши благодаря этому трюку, когда ее пруд высох.

В другой древней истории биосфера проглотила нескольких бабушек до того, как появился ее общий прародитель, и, как ожидается, проглотила правнуков этого прародителя. Тойнби может ошибаться в отношении относительной силы двух главных героев.

Многие рассказы рассказывают о миниатюрных бабушках, карликах; современный отчет называет их тупайи.

Эти карлики обитали на земле, а великаны, динозавры, гуляли в свете дня. Благоразумные древесные землеройки ночью спускались вниз, чтобы пировать насекомыми, не потому, что гиганты были скупыми, но из-за расхождения в размерах. Многие из древесных землероек были удовлетворены этой договоренностью, и они остались древесными землеройками. Некоторые, несомненно, небольшое меньшинство, хотели ходить в свете дня.

К счастью для неугомонных, динозавры были среди бабушек, проглоченных Биосферой. Бывшие древесные землеройки могли греться на солнце, танцевать и играть среди бела дня, не опасаясь быть растоптанными. Меньшинства среди них становились неугомонными; некоторые хотели ползать, другие летать. Самодовольное, консервативное большинство, довольное своими способностями, осуществимыми средой обитания, оставалось тем, кем оно было.

Руководители островов ГУЛАГа говорят нам, что пловцы, ползунки, ходоки и птицы трудились, чтобы есть.

Эти менеджеры слишком быстро транслируют свои новости. Разнообразные существа еще не были уничтожены. Вы, читатель, должны лишь общаться с ними или просто смотреть на них издали, чтобы увидеть, что их бодрствующая жизнь наполнена танцами, играми и пирами. Охота, преследование, выдумывание и прыжки — это не то, что мы называем работой, а то, что мы называем «забава». Единственные существа, которые работают, являются обитателями островов ГУЛАГа, зэками.

Предки зэка трудились меньше, чем владелец корпорации. Они не знали, какой работа бывает. Они жили в состоянии, которое Жан-Жак Руссо назвал «состояние природы». Термин Руссо должен быть возвращен в общее пользование. Он раздражает нервы тех, кто, по словам Р. Ванейгема, носит в своих ртах трупы. Это делает доспехи видимыми. Скажите «состояние природы», и вы увидите, как трупы выходят.

Настаивайте на том, что «свобода» и «состояние природы» являются синонимами и трупы будут пытаться вас укусить. Прирученные, одомашненные, пытаются монополизировать свободу слова; они хотели бы применять ее в своем собственном состоянии. Они применяют слово «дикий» к свободе. Но это еще одна публичная тайна, что ручные, одомашненные, иногда становятся дикими, но никогда не свободными, пока они остаются в своих загонах.

Даже общий словарь держит эту тайну только наполовину скрытой. Он начинается со слов о свободном гражданине! Но потом он говорит: «Свобода: а), не определяемая ничем, кроме ее собственной природы или бытия; б) определяется выбором лица или его желаниями... »

Секрета больше нет. Птицы свободны, пока люди не сажают их в клетку. Сама Биосфера, сама Мать-Земля, свободна, когда она увлажняет себя, когда она растягивается на солнце и позволяет вспыхнуть своей коже с разноцветными волосами, изобилующими гусеницами и птицами. Она не определяется ничем, кроме ее собственной природы или существа, пока в нее не врезается другая сфера деятельности равная по силе или пока трупный зверь не разрезает ее кожу и не разрывает ее внутренности.

Деревья, рыбы и насекомые свободны по мере их роста от семени до зрелости. Каждый из них реализует свой собственный потенциал, свои желания — пока свобода насекомого не будет ограничена птицей. Поедаемое насекомое сделало подарок своей свободы свободе птицы. Птица, в свою очередь, удобряет семена любимого растения насекомого, усиливая свободу наследников насекомых.

Состояние природы — это сообщество свобод.

Такова была среда первых человеческих сообществ, и такая она оставалась на протяжении тысяч поколений.

Современные антропологи, которые носят ГУЛАГ в своих мозгах, сводят такие человеческие сообщества к действиям, которые более всего похожи на работу, и дают имя «собиратели», людям, которые собирают и иногда хранят свою излюбленную еду. Банковский клерк назвал бы такие сообщества Сберегательными Банками!

Эки на кофейной плантации в Гватемале являются собирателями, а антрополог — Сберегательным банком. У их свободных предков были более важные дела.

Люди Кунг (племя бушменов) чудесным образом выжили как сообщество свободных людей в наш век истребления. Р.Э. Лики открыл их на пышной африканской лесной родине. Они ничего не культивировали, кроме самих себя. Они сделали себе такими, какими желали быть. Они не определялись ничем, кроме своего собственного существа, ни будильниками, ни долгами и ни приказами начальства. Они пировали, праздновали и играли полный рабочий день, кроме тех случаев, когда спали. Они делились всем со своими сообществами: пищей, опытом, видениями, песнями. Великое личное удовлетворение, глубокая внутренняя радость, пришли из обмена.

(В сегодняшнем мире волки по-прежнему испытывают радости, которые приходят от обмена. Может быть, поэтому правительства платят вознаграждения убийцам волков.) С. Даймонд открыл других свободных людей, которые выжили в наш век, тоже в Африке. Он мог видеть, что они не работали, но он не мог заставить себя сказать это по-английски. Вместо этого он сказал, что не проводит различия между работой и игрой. Подразумевает ли Даймонд, что деятельность свободных людей можно рассматривать как работу в один момент, как игру другой, в зависимости от того, как чувствует себя антрополог? Имеет ли он в виду, что они не знали, работают ли они или не работают? Имеет ли он в виду нас: вас и

меня, бронированных современников Даймонда, не способных отличить свою работу от их игры?

Если бы Кунг посетил наши офисы и фабрики, они могли бы подумать, что мы играем. Зачем еще нам там быть?

Я думаю, что Даймонд хотел сказать что-то более основательное. Специалист хронометража рабочих движений с секундомером (анализ движений кисти рук рабочего при работе), наблюдающий за медведем возле ягодного участка, не знает, когда ударять его часы. Медведь начинает работать, когда он подходит к ягодному пласту, когда он выбирает ягоду или, когда он открывает челюсти? Если специалист имеет половину мозга, он может сказать, что медведь не делает различий между работой и игрой. Если у специалиста есть воображение, он может сказать, что медведь испытывает радость с момента, когда ягоды становятся темно-красными, и что ни одно действие медведя не является работой.

Лики и другие предполагают, что общие прародители людей, наши ранние бабушки, произошли из пышных африканских лесов, где-то рядом с родиной Кунг. Консервативное большинство, глубоко удовлетворенное неизменной щедростью природы, счастливое своими достижениями, в мире с самим собою и с миром, не имело причин покинуть свой дом. Они остались.

Беспокойное меньшинство блуждало. Возможно, они следовали за своими мечтами. Возможно, их любимый пруд высох. Возможно, их любимые животные блуждали. Эти люди очень любили животных; они знали животных как двоюродных братьев.

Говорят, что скитальцы шли к каждому лесу, равнине и берегу Евразии. Они гуляли или плавали почти на каждом острове. Они прошли через сухопутный мост у северной ледяной земли до самой южной оконечности двойного континента, который будет называться Америкой.

Странники шли в горячие земли и холодные, в земли с большим количеством осадков и в земли с засухой. Возможно, из-за чувственной ностальгии по теплу, которое они оставили. Если это так, присутствие их любимых животных, их кузенов, компенсировало их потерю. Мы все еще можем видеть дань уважения, которое некоторые из них оказали этим животным на пещерных стенах Альтамира, на горной породе в Абриго-дель-Соль в долине Амазонки.

Некоторые из женщин учились у птиц и ветров, чтобы сеять семена. Некоторые из мужчин учились у волков и орлов, чтобы охотиться.

Но никто из них никогда не работал. И все это знают. Бронированные христиане, которые позже «открыли» эти общины, знали, что эти люди не работали, и это знание раздражало христианские нервы, оно терзало, оно заставило трупов выглянуть. Христиане говорили о женщинах, которые исполняли «грязные танцы» на своих полях, а не занимались делами; они сказали, что охотники делали много дьявольских «фокусов», прежде чем отпустить тетиву.

Эти христиане, ранние специалисты хронометража рабочих движений, не могли сказать, когда игра заканчивалась, и началась работа. Давно привыкшие к домашнему труду зеки, христиане были отвергнуты зловещим и дьявольским язычником, который сделал вид, что Проклятие Труда не упало на его. Христиане быстро покончили с «hocus rocus» и танцами, и увидели, что никто не может отличить работу от игры.

Наши предки — я позаимствую термин Тернера и назову их «Бесы» — имели более важные дела, чем борьба за выживание. Они любили природу, и природа отвечала взаимностью. Где бы они ни находились, они находили богатство, как показывает Маршалл Салинс в своей «Экономике Каменного Века». Пьер Кластр в «Обществе против государства» настаивает на том, что борьба за существование не проходит верификацию среди Бесов; она проходит верификацию среди обездоленных в ямах и на полях прогрессивной индустриализации. Лесли Уайт, после тщательного обзора отчетов из далеких мест и эпох, взглядом на «примитивную культуру в целом», приходит к выводу, что «у них есть достаточно всего для богатой жизни, редкостной среди «цивилизованных». Я бы не стал использовать слово «примитив» для обозначения людей с роскошной жизнью. Я бы использовал слово «примитив» для обозначения себя и моих современников, с нашей прогрессивной нищетой жизни.

Основная причина нашей бедности состоит в том, что богатство жизни Бесов едва доступно для нас, даже для тех из нас, кто не приковал свое воображение.

Наши профессора говорят о фруктах и орехах, шкурах животных и мясе. Они указывают на наши супермаркеты, полные фруктов и орехов. У нас есть изобилие, о котором наши предки не мечтали, Q.E.D (что и требовалось доказать). Это, в конце концов, реальные вещи, вещи, которые имеют значение. И если мы хотим больше, чем фрукты и орехи, мы можем пойти в театр и посмотреть пьесы; мы можем даже разложиться перед телевизором и потреблять все мировое зрелище. Аллилуйя! Что еще нам нужно?

Благодаря нашим профессорам мы едва ли имеем доступ к нашим опасным, демоническим, одержимым предкам, которые думали, что фрукты и орехи — это не реальные вещи, а пустяки, которые отказались от видений, мифов и церемоний. Благодаря нашим профессорам, мы теперь знаем, что видения — это личные заблуждения, мифы — сказки, а церемонии — игра, которую мы можем увидеть в кино в любое время.

Мы также много знаем о Владении. Владение — это собственность. У нас есть дома и гаражи, автомобили и стереооборудование, и мы постоянно работаем, чтобы обладать большим; нет предела тому, чем мы хотим обладать. Конечно, нужно сказать, что обладание — наша главная цель, а не их.

Редкий профессор, который, как и Мирча Элиаде, освобождается от бронированного виденья, чтобы видеть сквозь железный занавес инверсии и фальсификации. И даже Элиаде видит туман, требуя найти аналогию и пережитки в нашем мире, нужда, в которых отделяет

нас от другого берега, отдаляющегося в течение трехсот поколений. И все, что было разобрано с другого берега, уже не является следом их деятельности, а отходами нашей — это дерьмо.

Низведенные до пустых слайдов в школе, мы не можем знать, что значит вырастить наследников для тысяч поколений виденья, понимания и опыта. Мы не можем знать, как научиться слышать рост растения, и ощущать его.

Мы не можем знать, как это почувствовать семя в утробе матери и научиться ощущать семя в утробе матери, чувствовать, как чувствует Земля, и, наконец, отказаться от себя и позволить Земле обладать собой, стать Землей, стать первой матерью всей жизни. Мы действительно бедны. Тысячи поколений виденья, понимания и опыта были стерты.

Вместо того, чтобы отказаться от себя, вместо того, чтобы наслаждаться тем, что мало извлекаемо благодаря нашим способностям, мы определяем и классифицируем.

Мы говорим о Матриархате. Это дешевая замена опыта. Это сделка, и мы всегда находимся в поиске сделок. Как только название оказывается на двери, дверь может быть закрыта. И мы хотим, чтобы двери оставались закрытыми.

Название Матриархат находится на пороге века, когда женщины знали себя и были известны людям, как прорицательницы, как создательницы жизни, как воплощения первого существа, как первые существа. Знать название двери — ничего не знать. Знание начинается с другой стороны порога. Даже имя на двери ошибочно. Matri ссылается на мать, но archy происходит из совершенно другого возраста. Archy относится к правительству, к искусственному, а не к естественному порядку, к порядку, в котором Архонт неизменно мужчина. An-archy будет лучшим названием для двери. Греческий префикс «an» означает «без».

На другой стороне порога одержимая мать возвращается к своему телу и продолжает делиться своим опытом с ее родственниками, так же как она делится фруктами и орехами.

Наши языки будут подвешены для фруктов и орехов, но ее сестры, кузены, племянницы и племянники жаждут этого опыта.

Когда мать делится опытом, она также разделяет с тысячами поколений виденья и понимания, мудрость, которая помогла сделать ее опыт настолько значимым, настолько ужасно глубоким. Она не чертит мелом на доске. Она не пишет учебник. Она прыгает. Она поет. Она начинает «злбный танец», «оргию», которая однажды испугала христиан.

Ее кузены и племянницы присоединяются к танцу. Они предались своим песням, своим движениям. Они также позволили себе обладать духом земли. Они тоже испытывают величайшую радость, которую только можно вообразить.

Племянники тоже непринужденны; они тоже обладают, обогащаются. Но когда церемония заканчивается, они чувствуют, что у них меньше шансов, чем у их сестры. Они знают, что они не создатели жизни, не первые существа. В «Камбале» Гюнтер Грасс ярко изображает

комплекс неполноценности этих племянников, этих мужчин в состоянии природы. Это жеребцы. Это сексуальные объекты. Это те, кто предпочитает и украшает себя, чтобы сделать себя привлекательными для женщин, точно также, как павлины, утки и другие их двоюродные братья.

Племянники берут в леса фаллоские копья и стрелы, и они возвращаются в деревню с мясом. Но они знают, что мясо, хотя не так общепринято, как фрукты и орехи, по-прежнему пустяк по сравнению с путешествиями их тетя одержимых и самоотверженных, поскольку такие путешествия приводят непосредственно к самим источникам Бытия.

Племянники также ищут видения. Они также являются наследниками тысяч поколений наблюдения и мудрости. Их дяди видели. Они знают, что лес — это не то, чем он стал для нас: мясной загон, лесозаготовительная фабрика. Они знают лес как живое существо, которое изобилует живыми существами. Они тоже, как и тетя, отпустили себя, позволили себе обладать духом дерева, места, животного. Если они много и хорошо обучались они даже видят сверху, над лесом. Они стремятся к небу. И в редких случаях дух неба обладает ими. Они летают. Они становятся небом, ощущая все его движения, ощущая все его намерения. Они становятся небом, которое спаривалось с землей и рождало жизнь. Мужчина, который возвращается в свою деревню с такими новостями, очень многим может поделиться, чем-то большим, чем просто мясом.

Какими были эти путешествия! Такие глубокие празднования жизни не имеют аналогов в аналогии с тем, что Тернер называет «узкой, кастрированной, антропоцентрической версией, с которой Западная цивилизация стала неудобно знакома...»

То, как далеко продвинулся прогресс, раскрывается случайным туристом, который внезапно натывается на провидца. Турист слушает старика, который как-то выскользнул в наш век с другого берега. Турист сидит, ерзая из-за того, что он называет «сеансом», делая фотографии. В конце всего этого турист делает фотографию, которая доказывает, что провидец не летал, даже не поднялся со своего места. И турист уходит, счастливо убежденный, что они, а не он, обманщики и идиоты.

Фотографии показывают, что нас больше всего интересует: поверхности вещей. Они не показывают качеств, духов.

Некоторые из людей, покинувших человеческие сообщества, вспомнили о некоторых качествах. Они вспомнили некоторые из удовольствий обладания — не обладание вещами, а обладание Бытием. Они вспомнили — но смутно, туманно. Окруженные вещами, они потеряли способность выражать качества. Они знали, что век, который они оставили, был более ценным, чистым и красивым, чем все, что они основали с тех пор. Но их язык стал бедным. Они могли говорить о том, что они потеряли, только сравнивая его с вещами своего мира. Они называли забытый век Золотым Веком.

Рахманинова Мария. Аудиолекция о Фреде Перлмане

1. Биография Ф.Перлмана

2. Что такое Левиафан

3. Три проекции его-истории

4. Критика марксизма, прогресса и
цивилизации

5. Маскулинность и государственность

Гордон Ури. Тело Левиафана: восстанавливая анархистскую социальную теорию Фредди Перлмана

Аннотация

Анархистский максимализм Фредди Перлмана оказал формирующее влияние на возрождение движения после 1960-х годов, не считая его более поздней и известной критики одомашнивания. Давно забытые книги, памфлеты и пародии Перлмана 1968-1972 годов показывают, что он отстаивал антиавангардистскую этику прямого действия и практического деотчуждения, одновременно работая над самобытной и отчетливо анархистской социальной теорией господства. В этой статье прослеживается влияние на мысль Перлмана Айзека Рубина, К. Райта Миллса, а также, возможно, Анри Лефевра и Петра Кропоткина. Оригинальность Перлмана заключается в обобщении гетеродоксальной марксистской критики общественного воспроизводства, включающей в себя производственные отношения, но выходящей за их рамки. Так, он явно ставит государство в аналитический паритет с капиталом, теоретизируя власть как фетиш, отличный от меновой стоимости. Имплицитно он указывает на другие контейнеры для отчужденных сил, включая семью, религию и науку. Однако описание Перлманом само- и общинной власти остается неполным, упуская конституирующее насилие и приглашая к взаимодействию с современными интерсекциональными подходами.

Введение

“Некоторые анархисты отличаются от марксистов только тем, что они менее информированы. Они хотели бы заменить государство сетью компьютерных

центров, фабрик и шахт, координируемых "самими рабочими" или анархистским профсоюзом. Они не будут называть это объединение государством. Смена названия изгонит зверя".

(Perlman 1983:5)

Научное пренебрежение к Фреду Перлману резко контрастирует с его посмертным наследием. Наряду с Ноамом Хомским и Мюрреем Букчиным, Перлман был самым влиятельным американским писателем-анархистом своего поколения, "пророком", чье *"проницательное видение прорезало и вновь показало существенную упорядоченность и ограниченность концепций анархии его [двух бывших] сверстников"* (Moore 1995:363). Перлман выпустил четыре книги политических работ, более двадцати статей и памфлетов, два романа, две пьесы и (совместно со своим детройтским кооперативом Black & Red) первые английские переводы ключевых текстов, включая "Общество спектакля" (Дебор 1970), "Историю махновского движения" (Аршинов 1974) и "Блуждания человечества" (Каматт 1975). Его богато иллюстрированные, самопечатные работы также стали вехой в визуальной культуре DIY, наполнив эстетику андеграунда знакомой теперь смесью дада, сюрреализма и ситуационизма.

Тем не менее, за пределами движения прямого действия Перлман остается практически неизвестным. На сегодняшний день его творчество является предметом единственного академического исследования: смелой докторской диссертации Марка Хуба (2005) о духовной политике в книге "Против Его-истории, против Левиафана! (ПЕПЛ) (Perlman 1983). Хотя этот мифопоэтический опус время от времени всплывает в дискуссиях об анархо-примитивизме и технологическом засилье (el-Ojeili and Taylor 2020, Dunlap and Jakobsen 2020), обильные ранние работы Перлмана не получили сколько-нибудь продолжительного рассмотрения. Биография Лоррейн Перлман (1989), две графические ретроспективы (Blauvelt 2016, Aubert 2019), а также несколько кратких посвящений и обзоров исчерпывают доступную литературу (Poynton 2018, Tucker 2017, Artnoose 2014, Lee 2010, Cohen 2009, Black 2004, Watson 1997, Cafard 1996, Moore 1995).

Такое пренебрежение вдвойне озадачивает, учитывая всплеск интереса ко всем аспектам анархизма, радикальной эстетики и "новых левых" в последние два десятилетия. Даже недавний полувековой юбилей французского майского восстания 1968 года, о котором Перлман написал первую развернутую критику (Gregoire and Perlman 1969), не вызвал возрождения интереса. Конечно, к иконоборческому и жанровому творчеству Перлмана легче подходить эмпирически, чем аналитически. В его творчестве образная проза, кричащая пародия и текстовый коллаж перевесили интеллектуальные комментарии, поскольку *"Фреду прошел путь от блестящего теоретика до певца, от политического активиста до интуитивного бунтаря... приблизившись к тем забытым ныне архаичным ритмам, которые глубоко бьются в каждом из нас"* (Watson 1997:246). Возможно, само богатство и разнообразие самовыражений Перлмана стояло на пути критической оценки, чему не способствовало его собственное презрение к академическим кругам. Какова бы ни была причина, знакомство с его богатым творчеством остается столь же полезным, сколь и скудным.

Эта статья посвящена работам Фреда Перлмана среднего периода (1968-1972), написанным на фоне политических и интеллектуальных обломков несостоявшихся революций шестидесятых годов. За десять лет до того, как его идеи изменились под влиянием растущей озабоченности проблемами геноцида, фемицида и экоцида, а также встречи с прошлым коренных народов Великих озер, Перлман уже занимался вопросами упрямого утверждения господства и репрезентации в циклах социальных потрясений и их долговечности в повседневной жизни. В процессе он начал работать над оригинальной и явно анархистской теорией господства как тотальности, которая могла бы объяснить отчуждение различных человеческих сил в иерархических институтах, которые они воспроизводят, и в то же время обосновать необходимость прямого действия и непосредственности в преобразующей борьбе. Восстановленные из разнородных стилей и из тени его более поздних работ, эссе Перлмана по социальной теории могут стать богатым источником информации для современных анархистских дискуссий о власти и освобождении.

Отправной точкой Перлмана, которая лежит в основе всей его работы, является критика отчуждения как практики. Изначально заимствованная у Маркса через Исаака Ильича Рубина, а затем под влиянием ситуационистов и, возможно, Лефевра, ключевой для этой критики является концепция фетишизма, обозначающая инвертированное господство социальных форм отчужденной власти над индивидами, которые их воспроизводят. Под влиянием своего активистского опыта и анархистских историй, которые он читал и переводил, а также под влиянием выборочных намеков из К. Райта Миллса и, возможно, Кропоткина, Перлман совершает прорыв, обобщая этот рассказ о фетишизме, чтобы включить в него производственные отношения, но выйти за их пределы. Таким образом, он явно ставит государство в аналитический паритет с капиталом, теоретизируя власть как фетиш, отличный от меновой стоимости. В неявном виде он указывает на различные другие контейнеры для отчужденных человеческих сил, включая семью, религию и науку. Отождествляя прямое действие с возвращением отчужденных сил, Перлман придает социологическую последовательность анархистскому аргументу против представительства и за коллективную автономию в социальной борьбе.

В работах Перлмана исследуемого периода прослеживается сочетание ожиданий постиндустриального дефицита и критики современности, наряду с постоянными текстовыми и графическими отсылками к древним и мифическим темам. Я оставляю за собой право проследить эти темы до его критики 1980-х годов в отношении одомашнивания, патриархата и прогресса. Это не означает, что нужно сбрасывать со счетов анархо-примитивистские политические высказывания (el-Ojeili and Taylor 2020), не говоря уже об анархистском взаимодействии с ранним человечеством (Wengrow and Graeber 2015, Scott 2017) и критике технологий (Firth and Robinson 2020). Однако мой главный аргумент здесь состоит в том, что более ранний и более продолжительный вклад Перлмана в анархистское возрождение последних десятилетий следует искать в его максимализме - термине Мура для анархистской критики, охватывающей не только государство и капитал, но и *"совокупность властных отношений и ансамбль структур контроля"* (Moore 1998:9), в сочетании с анархистскими практиками, *"приверженными прямому действию"* и экспериментальным альтернативам (13). Несмотря на центральное место максимализма в анархистской традиции, именно этот максимализм Перлман отстаивал не только против

авангардистов из "Новых левых", но и против анархистов, сосредоточенных на членстве и пропаганде, а не на близости и действии. Перлман отказывался называть себя анархистом или любым другим -истом, кроме "виолончелиста" (Perlman 1989:96). Однако, как мы увидим, он часто использует термины "анархия" и "анархисты" с ироническим одобрением, как нечто, чего боятся и государственные чиновники, и левые организаторы, и все чаще использует анархистскую, а не марксистскую политическую лексику. В той мере, в какой максимализм стал (пере)определять как анархистскую практику, так и прочтение анархистской традиции, во многом это произошло благодаря Перлману и его последователям.

После биографического очерка в разделах 2-3 ниже прослеживается развитие идей Перлмана, особое внимание уделяется Рабоче-студенческому комитету действий (WSAC) и "Руководству для революционных лидеров". Раздел 4 завершает интерпретационный комментарий, а затем переходит к содержательной критике. В нем Перлман ставит под сомнение элиминацию насилия в своем рассказе о само- и общинной власти, открывая путь для взаимодействия с современными теориями интерсекционального взаимодействия. В заключение предлагаются пути для дальнейших исследований богатой, но забытой работы Перлмана.

(Де)отчуждение как практика

Перлман родился в Брно, Чехословакия, и вместе с семьей бежал от нацистского вторжения в Кочабамбу (Боливия), а затем поселился в Кентукки. С 1959 по 1963 год он учился в Колумбийском университете и жил на Манхэттене со своей партнершей Лоррейн, став печатником в "Живом театре" и написав антиимпериалистическую пьесу "Разграбление". Затем супруги переехали в Югославию, где Перлман в Белградском университете защитил докторскую диссертацию по политике развития сельских районов. В 1966-69 годах он преподавал в Западном Мичиганском университете в Каламазу, где были опубликованы первые памфлеты Black & Red. В мае 1968 года, прочитав двухнедельный курс по экономической теории в Турине, он сел на последний поезд в Париж перед закрытием железнодорожных линий и сразу же был поглощен захватывающими сценами французского восстания. Вскоре после этого Перлман порвал с академической наукой, и пара поселилась в Детройте. Они стали частью кооперативной типографии, которая печатала большинство работ и переводов Перлмана под маркой "Black & Red". Статьи в детройтской газете "Fifth Estate" ознаменовали его поворот к экофеминизму и примитивизму (Perlman 1979, 1982, 1984), в конце которого вышли книги Против "Его-истории, Против Левиафана" (ПЕПЛ) и незаконченный роман "Пролив". У Перлмана всю жизнь были проблемы со здоровьем, и он умер после второй операции на сердце в 1985 году (Perlman 1989).

Случайная роль Перлмана в эпицентре парижского восстания сыграла решающую роль в его политическом и интеллектуальном развитии. В Париже он *"участвовал в слабо организованной группе интеллектуалов, студентов и молодых рабочих, которые проводили дискуссии в учебном комплексе Сенсье при университете Сорбонны, а также пытались донести свои чаяния до рабочих-автомобилистов, живших и трудившихся в парижских пригородах"* (Perlman 1989:47). Эти комитеты действий студентов и рабочих выпустили

несколько листовок, одна из которых призывала к "единству рабочих и студентов в борьбе "за уничтожение этой полицейской системы, которая угнетает всех нас""; другая пропагандировала бескомпромиссный интернационализм и солидарность с иностранными рабочими (Gregoire and Perlman 1969:14; ср. Gordon 2011). В это время он "познакомился с идеями и историей, которые повлияли на него в последующее десятилетие: тексты Ситуационистского интернационала, анархизм и испанская революция, коммунисты Совета" (Perlman 1989:48). Вдохновленный зрелищем черно-красных флагов, развевающимися бок о бок над Сорбонной и Биржей, он впоследствии сделает "Black & Red" главной артерией для франко-английской передачи анархистских, левокоммунистических и ситуационистских текстов.

Репортажи Перлмана из Парижа, написанные по ходу событий, стали первой частью книги "Worker-Student Action Comminees". Дальнейшая критическая дискуссия завершилась в Каламазу при участии Роже Грегуара, приехавшего из Парижа. Книга проиллюстрирована множеством карикатур и графических изображений, сделанных во время восстания. Образцовый характер оккупации Сенсье авторы видят в ее практическом разрыве с общественным разделением труда: она заменила институциональные нормы университета самоуправляемой структурой рабочих групп и общего собрания; превратила здание из авторитетной институциональной оболочки для специализированных знаний в площадку для самостоятельного творчества, размышлений и действий; и практически отменила различие между "рабочим" и "студентом" как олицетворение социальных ролей. Благодаря этому сознательному "процессу политического отчуждения" (Gregoire and Perlman 1969:43), участники впервые осознали свою социальную власть на практике.

В отличие от того, когда профсоюзы, контролируемые Коммунистической партией быстро переходят к контролю над забастовками:

“ Захваченные фабрики не превращаются в места для самовыражения и обучения; не создаются общие собрания; рабочие не осознают свою коллективную власть и не присваивают себе производительные силы общества. Присвоение социальной власти рабочим населением означало бы превращение всего общества в место коллективного самовыражения, в место активного, сознательного, отчужденного творчества. Такая анархия предотвращена. (67)

В книге содержится еще двенадцать позитивно-иронических употреблений слов "анархия" и "анархисты". Однако основная критика направлена на самих оккупантов Сенсье (включая авторов), которые не смогли перенести свой практический и когнитивный разрыв с отчуждением на действия за пределами оккупированного пространства:

“ "Когда люди, организовавшие свою деятельность внутри оккупированного университета, вышли к "рабочим", либо на баррикады, либо на фабрики, и когда они сказали "рабочим": "Вы должны захватить свои фабрики", они демонстрировали полное незнание того, что они уже делали в бывших университетах" (71, ориг. капс.).

Обращаясь к рабочим как к специализированному сектору общества, оккупанты возвращались к принятию доминирующего общественного разделения труда. Вместо того чтобы предпринимать прямые действия от своего имени, оккупанты предпочли подчиниться инициативе рабочих фабрики: "Одним из любимых аргументов "анархистов" и "либертарианцев" в Сенсье был следующий: *"Рабочие должны сами принимать решения; мы не можем подменять их"*. Это слепое применение антибюрократической тактики к ситуации, где данная тактика вообще не имела применения" (89).

Поскольку на фабриках не было организовано никаких собраний, такое почтение просто передавало поле коммунистическим профсоюзам, а не автономно противостояло им. Перлман представляет себе подлинную революционную эскалацию, когда тысячи людей вторгаются на многочисленные фабрики и объявляют их общественной собственностью - не "от имени" "рабочих", а как акт коллективной власти, выходящий за рамки отчужденных социальных категорий. Такая возможность, наверное, существовала в самом начале, но была упущена, как только Комитеты действия определили свою роль в плане работы с населением. Последующие конфликты по поводу институционализации, выходки самозванных лидеров и финальное полицейское задержание стали лишь затянувшимся эпилогом.

Чтобы осветить контекст этой критики, мы должны проследить интеллектуальное становление Перлмана. Катализатором здесь легко назвать книгу Исаака Ильича Рубина "Эссе о теории стоимости Маркса". Перлман перевел её в 1967 году (на сербскохорватском языке) вместе со своим бывшим белградским руководителем Милошем Samardžija, добавив оригинальное предисловие (Rubin 1973; ср. Perlman 1970). С 1926 года и до своего ареста в 1931 году Рубин являлся научным сотрудником Института Маркса-Энгельса в Москве. Вынужденный обвинить директора Института Давида Рязанова в якобы имевшем место меньшевистском заговоре, Рубин на самом деле совершил идеологический проступок (Болдырев и Краг 2015). Стоимостно-формальный подход Рубина к капиталу сосредоточился на овеществлении абстрактного труда и рассматривал товарный фетишизм как краеугольный камень политэкономии Маркса. Это не только противоречило сталинскому экономизму, но и было опасно для *"государственной бюрократии, покупающей отчужденный труд и аккумулирующей "Капитал" во имя Маркса"* (Perlman 1969a:17). Перлман дополнил свое предисловие резкой критикой американской вузовской экономики, где *"интеллектуальное законодательство"* исключает политическую экономию и делает Маркса нечитаемым (Perlman in Rubin 1973:x). В центре его изложения - аргумент Рубина о том, что Маркс не отбрасывает концепцию отчуждения, встречающуюся в его ранних работах. Напротив, критика Марксом политической экономии содержит ее дальнейшее развитие в виде теории товарного фетишизма. Рубин не упоминает "Экономико-философские рукописи" Маркса, которые были опубликованы Рязановым на русском языке в 1927 году, но ошибочно названы *"Подготовительной работой к "Святому семейству"*" (Musto 2015:234). Перлман заполняет важный пробел в аргументации Рубина, приводя обширные цитаты из "Рукописей". Он утверждает, что, хотя *"нет сомнений в том, что в 1844 году Маркс говорил о человеческом обществе и человеческой сущности, которую можно реабилитировать, вернуть или восстановить... неотчужденный, идеальный, неисторический человек"*, после его разрыва с Прудоном в 1859 году *"конфликт вновь возникает в новой плоскости... [не] между идеалом и реальностью, а как конфликт между производительными силами и*

социальными отношениями, оба являющимися частью реальности" (1973:xxi).

Доступное изложение Перлманом теории формы стоимости, "Воспроизводство повседневной жизни" (Perlman 1969a), было широко прочитано студентами Новых левых (Cohen 2006:3ff.). Ее центральный аргумент состоит в том, что *"намеренное отчуждение жизнедеятельности, воспринимающееся членами капиталистического общества как необходимое для выживания, само воспроизводит капиталистическую форму, в рамках которой отчуждение необходимо для выживания"* (Perlman 1969a:14). В самом начале Перлман указывает на диахронический взгляд, используя племенные и рабовладельческие общества в качестве первых примеров, иллюстрирующих, как повседневная деятельность людей *"воспроизводит жителей, социальные отношения и идеи общества... социальную форму повседневной жизни"* (Perlman 1969a:2. При капитализме повседневная деятельность воспроизводит наемный труд и капитал, а люди *"воспроизводят персонификации доминирующих форм активности при капитализме; они воспроизводят наемного работника и капиталиста"* (7). Перлман заимствует термин "персонификация" из интерпретации Рубином мимолетного замечания Маркса в "Капитале" т. 3 (1966:866) о том, что капиталист и помещик *"персонифицируют" капитал и землю. Это, по мнению Рубина, указывает на инвертированное господство фетишей над людьми, чьи социальные отношения они опосредуют, в результате чего "конкретные индивиды оказываются подчинены господствующему типу отношений производства... Таким образом, кажущееся сужение между "овеществлением людей" и "овеществлением вещей" разрешается в диалектическом, непрерывном процессе воспроизводства"* (Rubin 1973:23-25, *emph. in orig*). При таком прочтении отчуждение - это "не чувство и не идея" (Perlman 1969a:5); "Люди (1) на самом деле относятся друг к другу через вещи; фетиш есть повод, ради чего они действуют коллективно, через него воспроизводят свою деятельность". (8-9) Заимствуя термины Нормана Гераса (1971), можно сказать, что Перлман описывает фетишизм как реальное господство, а не как мистификацию и ложное сознание - *"конституирующий счет фетишизма, где социальные отношения между людьми представляют собой внешние и чуждые сущности, доминирующие в обществе"* (O'Kane 2013:22).

Название памфлета перекликается с "Критикой современной жизни" Анри Лефевра (Lefebvre 2014). По словам Лоррейн Перлман (личное общение, 2.6.20), "этой книги нет в нашей библиотеке, и я не помню, чтобы Фреди ее читал. Но он определенно знал о ней, и название "Воспроизводство" подтверждает эту связь". Читал ли Перлман Лефевра или только Рубина и ситуационистов, сходство поучительно. Лефевр исходит из практической деятельности и "форм внешнего вида", принимающих этой деятельностью в конкретных исторических условиях. Таким образом, он рассматривает фетишизм не как свойство фетишизируемого объекта или эпистемологическую ошибку индивида, а как социальную категорию, абстрактную и конкретную, стремящуюся в процессе социального воспроизводства *"функционировать как независимая от людей объективность [sic] ... как способ существования социальной реальности, актуальный способ сознания и человеческой жизни, и как видимость или иллюзия человеческой деятельности"* (Lefebvre 2009a:80-1). В результате, разрыв с отчужденным социальным воспроизводством предполагает не просто когнитивный разрыв, а сознательную практику иных социальных отношений. На этом основана явно проанархистская поддержка Лефевром автогестии (самоорганизации). Наряду с присущим ей антигосударственничеству автогестия *"стремится восстановить"*

примат потребительной стоимости. Она "есть" потребительная стоимость человеческих существ в их практических отношениях", повышая их ценность "против мира товара" и указывая на радикальное оспаривание капитала и государства (Lefebvre 2009b:148).

Возвращаясь к Комитетам действия, мы можем увидеть, что Перлман конкретно применяет этот подход, для оценки с точки зрения их (ограниченного) практического разрыва с отчуждением. При этом он эффективно использует теорию ценностных форм для формулировки знакового анархистского принципа единства средств и целей. Хотя такое единство может быть в равной степени сформулировано в терминах добродетельной практики (Фрэнкс 2020) или зависимости от пути (Гордон 2018), Перлман связывает его с специальным пояснительным описанием социального воспроизводства. С этой точки зрения, деотчуждение - одновременно и общая цель социальных преобразований, и важнейшее качество практик, способствующих их осуществлению. Хотя его аргументы основаны на гетеродоксальном прочтении Маркса и, несмотря на критику Перлманом "анархистов" и "либетарианцев" в оккупированном Сенсье, он продвигает ту же самую этику прямого действия, которую анархисты связывают с терминами наподобии "префигуративная политика" или "конкретная утопия."

Важно отметить, что мы также начинаем видеть обобщение Перлманом фетишизма, выходя за рамки категорий ценностных форм. В самом начале WSAC он ясно выделяет четыре формы отчуждения и поддерживающих его разделения (39-40, мое перефразированное резюме):

1. Отчуждение от политической власти всех членов общества и ее присвоение путем выборов, наследования или завоевания специализированным правящим классом (разделение на правящих и управляемых);
2. Продажа производителями производительного труда и его покупка капиталистами (боссы и рабочие);
3. Отчуждение рефлексивной деятельности специализированного корпуса "работников интеллектуального труда" (мыслители и исполнители, студенты и рабочих);
4. Отчуждение творческой деятельности в пользу "художников" (творцы и зрители).

В этом описании нет ничего, что могло бы придать аналитическое превосходство одному компоненту (2), и тем самым Перлман отходит от ортодоксальной марксистской привилегии производства и пролетарской деятельности. Можно сказать, что, поскольку деотчужденная практика не может быть обоснована фетишизированными социальными категориями, которые она больше не воспроизводит, во время революционной трансформации и бывшие студенты, и бывшие рабочие в равной степени становятся членами класса, находящегося в процессе самоликвидации (ср. Proletarios Revolucionarios 2020).

От Теории к Пародии

Прямое действие также занимало центральное место в первых памфлетах Black & Red, изданных Перлманами в Каламазу. Выпуск 2, критический репортаж с Демократической национальной конвенции 1968 года в Чикаго (Perlman 1968a), высоко оценивает захват йиппи общественного парка: "Организовав свою деятельность без приказов и разрешений, без компромиссов и переговоров", они "проявили" свою свободу, отвоевав общественное пространство, и тем самым "перестали признавать легитимность государства", что вызвало насилие с его стороны. Напротив, неудачи студенческих организаций высмеиваются в выпуске 4 "Мы объявили забастовку, и никто не пришел" (Perlman 1968b). За печатным станком Перлман начал открывать для себя множество новых графических возможностей, и теперь его работы быстро отходят от традиционных текстовых форматов. В качестве примера можно привести "Strike" - 46-страничный коллаж-комикс формата А5, в котором речевые пузыри выходят изо рта фигур на картинах эпохи Возрождения, гротескных скульптур и белых мужчин в костюмах.

Эта "Аллегорическая эпопея со сносками" (1), вдохновленная "Потерянным раем", повествует о неудачной попытке организовать студентов в последнем раунде космической борьбы между Сатаной и Богом. Аватары Сатаны обнаруживают, что Бог хочет восстановить свою ускользающую власть, отказавшись от христианства и присвоив сатанинский дар Разума; он "соберет людей в рационально организованные институты, где каждый выполняет работу, установленную властью" (5). Если этого не произойдет, он устроит Судный день. Затем Бог, изображенный как Кларк Кент и Супермен, представляет свою собственную сущность как "социальные отношения Власти и Подчинения... любые отношения между Правителями и Управляемыми" (10). Он обещает нарушить планы последователей Сатаны, которые "на грани абсолютного отрицания, свободы... будут использовать эту свободу только для того, чтобы поработить себя заново" (12). Как выясняется, новое отделение SDS собирает цирк из хиппи, либералов и ленинцев. Они призывают к забастовке, но отвергают предложения аватаров о конкретных действиях по подготовке к ней, и в Судный день проходят маршем через здание администрации с криками "Забастовка! Забастовка!". Бог заключает:

“ Даже твои собственные аватары... едва смогли перейти от слов к делу. А что до остальных... До сих пор я скрывал от них знание об их силе... И все же я не удовлетворен. Ибо я хорошо знаю, что мое время подходит к концу. Я знаю, что ликвидация дефицита предвещает ликвидацию власти. Я знаю, что не могу долго держать человека в неведении". (45)

Это чувство технологического оптимизма соседствует с захватывающим мифологическим обрамлением комикса, предшествующим ПЕПЛ на 15 лет. Комикс "Удар!" гораздо более игривый, но также значительный с точки зрения политического языка и связей Перлмана. Он использует комические архаизмы (Бог - Сатане: "Thou grooveth, but thou diggeth me not"), а также архаизм написания существительных с большой буквы, чтобы подчеркнуть ключевые понятия, такие как власть, подчинение, разум, бюрократия, власть, нехватка, страх, закон и порядок - все, что ассоциируется с анархистским лексиконом. Также поражает гротескное перечисление Богом десяти заповедей под четырьмя заголовками: Религия (беспрекословное принятие, нормализованное лицемерие, отсутствие чувства

общности); Государство (эйджизм, убийство "врагов"); Частная собственность (сексуальные привилегии, владение меньшинством, доминирующие режимы правды); Семья (женщины как собственность, рабская депривация). Суббота опущена, а десятая заповедь разделена на две части. Как и ключевые слова, которые он выделяет заглавными буквами, и как пример из WSAC, эти четыре институциональные рубрики явно оторваны от аналитического приоритета Маркса в отношении производственных отношений, который сохраняют даже такие гетеродоксы, как Рубин и Лефевр.

Вместо этого мы видим, что Перлман все больше присоединяется к анархистским представлениям о классе и господстве - в частности, к "олигархическим" представлениям (мой термин), когда несколько групп концентрируют различные формы власти через различные, пусть и связанные, институциональные структуры, ни одна из которых не имеет аналитического превосходства над остальными. Так, Малатеста утверждает, что, помимо класса собственников, история завоеваний и эксплуатации породила "особый класс (правительство)", который легализует и защищает собственность, но при этом "использует имеющиеся в его распоряжении полномочия для создания привилегий для себя и подчинения, если может, самого класса собственников"; и "другой привилегированный класс (духовенство)", который "наряду с обслуживанием интересов класса собственников, обслуживает и свои собственные" (1899/2014:280). Рассмотрим также кропоткинское представление о государстве как о "власти, созданной для того, чтобы соединить интересы помещика, судьи, воина и священника" (Кропоткин 1903:гл.10) - качественно отличных друг от друга концентрациях власти, предшествовавших капитализму.

В библиотеке Перлманов хранится зачитанный, но без пометок экземпляр работ Кропоткина, вышедший в 1969 году в издательстве Freedom Press. По словам Лоррейн (беседа 26.09.20), "возможно, мы купили его, когда были в Лондоне в том году... Так что, думаю, мой ответ будет таким: "Скорее всего, он ее читал". Даже если он этого не делал, параллели уместны". Интерес Перлмана к немарксистским теориям класса и господства проявляется и в его последней научной работе - критике своего бывшего учителя К. Райта Миллса под названием "Бессвязность интеллектуала" (1969). В самом начале работы Перлман хвалит молодого Миллса за попытку постичь господство в его корне: "Миллс не читал препариование [Францем] Нейманом Нацистского Бегемота как описание далекого врага: "Анализ Бегемота бросает свет на капитализм в демократических странах... он [Нейман] обнаруживает врага с помощью 500-ваттного блика. И нацизм - лишь одно из его имен... Бегемот везде един". (Perlman 1969b цитирует Mills 1942:177).2

Однако, по мнению Перлмана, на протяжении всей его последующей карьеры "Миллс независимый революционер - продолжает сосуществовать с Миллсом - академическим циником". Таким образом, "веберианские лидеры и безвольные Воббли занимали отдельные отсеки в сознании Миллса... [и] никогда не сталкивались друг с другом напрямую" (1969a:nр). Наряду с пронизательной критикой послевоенного американского общества, утверждает Перлман, Миллс продолжал публиковать работы в области позитивистской социологии, которые запутали анализ этих же вопросов - выдавая ограниченное понимание Миллсом отчуждения как недовольства, а не как повседневной деятельности, посредством которой люди на самом деле "отчуждают свою силу формировать свое окружение" (1969a:n.p.).

В "Отчуждении" Перлман обращается к немарксистским политическим социологиям двух противоречивых мастеров Миллса - Макса Вебера и Торстейна Веблена. Перлман считает, что Миллс *"пересмотрел... и некритично относится к научности Вебера и его призыву к харизматическому лидерству"*. И снова, утверждает Перлман, Миллс не определяет отчуждение как связь между *"акцентом Маркса на том, что наемный рабочий "отделен" от средств производства"* и мнением Вебера о том, что *"современный солдат в равной степени "отделен" от средств насилия, ученый - от средств исследования, а государственный служащий - от средств управления"* (Mills 2009:88). Однако если отчуждение должным образом учтено, эта веберовская пронизательность раскрывает свою ценность. Перлман вполне мог процитировать дальнейшее заявление Миллса о том, что Вебер таким образом *"дополняет"* анализ Маркса *"политическим и военным материализмом"*, и что поэтому *"военные и религиозные, политические и юридические институциональные системы"* должны анализироваться наравне с *"экономическим порядком"* (85) - таким образом, производственные отношения лишаются своего аналитического первенства у Маркса.

В отличие от Вебера, Перлман высоко ценил Торстейна Веблена (Perlman 1989:43). Миллс (1962:35) назвал Веблена *"лучшим социальным ученым, которого произвела Америка, который, вероятно... в глубине души был анархистом и синдикалистом"*, и объединил его с вобблитами. Однако, пишет Перлман, в книге "Элита власти" Миллс *"полностью затуманивает"* этику Веблена и исключает возможность трансформационных социальных изменений:

“ По мнению Миллса, историю делают элиты, и поэтому Миллс обращается к людям, которых Веблен характеризует как *"благородные и священнические классы вместе с большей частью их свиты"*, *"интеллектуалов, художников, министров, ученых"*... фрагментарных людей, чьи социальные позиции зависят от их служения власти (1969a:n.p.).

Это еще раз подчеркивает интерес Перлмана к немарксистским социологиям класса - в данном случае к институциональному учету Веблена, который в конечном счете не связан с производственными отношениями. Ближе всего к синтезу эти элементы подойдут в последней работе, рассматриваемой здесь, - "Руководстве для революционных лидеров".

Опубликованное под псевдонимом Майкл Велли, "Руководство" якобы пропагандирует *"современную модель революции"*, а именно *"революционную организационную идеологию, лидерство и борьбу за государственную власть"* (Perlman 1972, 11). Это самая богато иллюстрированная работа Перлманов. На угрожающей обложке изображен балийский клыкастый танцор и готический шрифт, что предвосхищает использование им блейковского пожирающего монстра на обложке ПЕПЛ. В первой главе ("Поколение революционеров") представлены девять полностраничных сюрреалистических коллажей, на которых танки едут по ярусам Вавилонской башни Брейгеля, пестрая религиозная процессия пересекает стену из телевизоров, а "Танец" Матисса вращается среди огненных беспорядков на Капитолии. Во второй главе ("Восхождение к лидерству") в историческом начале каждого из 62 параграфов изображен "великий лидер", начиная с Кастро, Димитрова и Ленина и заканчивая Робеспьером. От Ленина до Робеспьера, Генриха VIII, Цезаря и, наконец, Саргона

Аккадского (ключевого персонажа ПЕПЛ). Образы машин, ресторанной еды, пустошей и массовых убийств иллюстрируют третью главу ("Захват государственной власти").

Не менее поразительным является использование в "Руководстве" текстового коллажа. В то время как первая, теоретическая глава полностью оригинальна, программная вторая глава представляет собой вопиющий плагиат, состоящий из сотен неатрибутированных цитат из современных статей в New Left Notes, National Guardian, The Movement, Red Papers и других подобных изданиях. Через них проходят цитаты из трех других источников: "Немецкая идеология" Маркса и Энгельса, "Железный закон олигархии" Михельса и "Майн кампф" Гитлера. В сценариях, рассказанных в главе 3, Ленин и Мао часто говорят устами партийных чиновников и лакеев. Только во втором издании был добавлен список ссылок, в котором объясняется, что Велли *"заново создал проект, объединяющий эти широко разбросанные высказывания"* и *"поместил их в единую Мысль, фрагментом которой является каждая из этих идей"* (263).

Очень важно, что третья нить текста - также выделенная курсивом во втором издании - состоит из ключевых предложений из первой главы, которые вновь появляются в двух последующих. Предваряя блоки авторитарных цитат, они переосмысливают их в качестве перекрученной оценки оригинального анализа первой главы. Таким образом, я хотел бы утверждать, что "современная модель" Велли - это не просто пародийное зеркало авторитарных тенденций новых левых, а гротескная инверсия подлинного социального анализа Перлмана; Велли цинично использует точное понимание фетишизированной власти для разработки своей тоталитарной программы. Согласованность главы 1 с развивающимися идеями Перлмана и мощные аргументы в пользу анархистских стратегий деалиенации (деотчуждения) делают это прочтение убедительным. Под иронией мы обнаруживаем, что Перлман выдвигает поразительно оригинальную критику власти и государства.

Фактически, "Руководство" переходит к учету капитала и отчужденного труда только после рассказа о государстве, "безусловно, самом важном" среди "персонификаций, воплощений, представителей отчужденных сил общества": *"Государство - это персонификация власти сообщества, отчужденной власти индивидов коллективно определять методы, средства и цели своей социальной деятельности. В обязанности государства входит использование всех доступных средств для того, чтобы власть сообщества оставалась отчужденной"* (17).

В отличие от производственной власти, отчуждаемой формой которой являются товары или деньги, социальная или общинная власть отчуждается в виде должностей, обладающих социально легитимированным авторитетом. Перлман рассматривает авторитет как отдельную категорию фетиша первого порядка, наделенную нормативной, а не меновой ценностью:

“Соглашаясь с легитимностью должности, наделенной определенной социальной властью, индивиды отказываются от своей собственной власти над этой частью социальной жизни... должность, от которой отказываются, становится "властью", имеющей "право" распоряжаться этой властью;

индивид, который не отказывается от власти (имеется в виду от собственной власти в пользу институциональной - авт.), становится "преступником", не имеющим "права" распоряжаться ею; все остальные - послушные, "хорошие" и "законопослушные граждане" в той мере, в какой они не имеют власти над этой частью социальной деятельности". (18)

Перлман не идет дальше, чтобы проработать содержание социальной или общинной власти, где отсутствует авторитет, - этот вопрос я рассмотрю ниже. Пока же я хотел бы утверждать, что, помещая описание власти сообщества, фетишизма авторитета и государства перед своим описанием производительной власти, фетишизма товара и капитала, Перлман явно стремится поставить их в аналитический паритет. Дополнительным доказательством служат диадические утверждения о том, что люди *"отказываются от своей власти сообщества в пользу государства, а от своей производительной власти - в пользу капитала"* (19); *"пользуются отчужденной человеческой властью, представленной деньгами, и властью офисов"* (29); и живут в обществе, где *"отчужденная власть сообщества в виде государства, правительства - переживается как единственное реальное сообщество. Отчужденная производительная сила - капитал, деньги - воспринимается как единственный реальный производительный агент"* (29).

Это указывает на отказ от любого взгляда на государство как на вспомогательное средство для производственных отношений, какой бы относительной автономией оно ни обладало. Напротив, государство - это область первого порядка отчужденной власти, институциональный контейнер, который не может быть сведен к его роли в обеспечении отношений между владельцами и рабочими. Более того, хотя Перлман продолжает использовать термин "персонификация" для обозначения поглощения индивидов доминирующими социальными формами, он явно отделяет фетиш власти от марксистской материальной базы:

“ завершенные разновидности, идеальные модели правящего поведения можно найти в деятельности, физически отделенной от производительных сил общества, которая географически карантинирована: в работе художников, независимых "профессионалов", политических организаторов на полную ставку и, особенно, в деятельности политических и образовательных иерархий (25).

Далее Перлман утверждает, что государство как область отчужденной власти не только старше капитала, но и готово сменить его в доминировании над производством. Он изображает капитализм *"кратким отступлением от обычной истории цивилизаций"* (35). Примеры колониализма, Японии эпохи Мэйдзи, СССР и постколониальных социалистических государств демонстрируют, что *"становится возможным установить центральные отношения накопления капитала непосредственно с помощью государственной власти, не повторяя исторического развития капитализма"* (42). На Западе *"захват и концентрация отчужденной власти сообщества, государства, стали формой развития производительных сил в условиях, когда прежние формы накопления капитала перестали выполнять свою историческую задачу"* (43).

Ради стабильности и порядка развитие производительных сил необходимо контролировать, препятствовать ему, обращать вспять. Рог изобилия технического прогресса перестает вызывать надежды и все больше сеет смутные страхи. За производительными силами сутулится грубый зверь, час которого наконец настал и который готов обрушить на мир простую анархию. (36)

Таким образом, роль авангарда заключается не в том, чтобы способствовать переходу к коммунизму, а в том, чтобы прервать его - установить тоталитарное государство, которое затем возьмет под контроль сам процесс производства, а также все аспекты жизни. Анархистское прочтение партии авангарда в значении "тоталитарного государства в ожидании" цинично используется в главе 2, где Перлман говорит, что организация и ее лидер должны присвоить отчужденную самовластность боевиков.

Проблема, однако, заключается в том, что рабочие в развитых капиталистических странах меньше всего склонны следовать за партийными боевиками. В повседневном контакте со средствами производства от современных рабочих *"ожидают одновременно автоматизма и воображения, одновременно послушания и творчества"*(240). Это стимулирует их анархическое брожение, проявляющееся в *"прогулах, саботаже, забастовках, захвате производственных предприятий и даже попытках демонтажа всего общественного строя... растущем сопротивлении государственной власти... отказе от отчуждения производственной деятельности... отказе от специализации"* (239; ср. Зерцан 1988). Так, в главе 3 рассказывается о злоключениях партийных организаторов, предлагающих свое руководство восставшим рабочим и общинам, уже отвоёвывающим свои силы, причем эти эпизоды оцениваются в виде *"комических сценок в лучших традициях Сида Цезаризма и Гроучо Марксизма"* (Black 2004). Отсюда и дерзкая стратегия Велли: когда *"происходит революционный подъем, революционные лидеры должны сразу же взять власть в свои руки - иначе волна настоящей анархии может стать сильнее нас"* (137, курсив Ленина 1917:234). Выворачивая наизнанку анализ Перлмана, Велли пишет, что государственная власть должна быть захвачена:

“ когда народ стоит на пороге независимости, когда он достигает границы... и временно отступает. Это момент, когда все официальные власти взлетели на воздух, но индивиды общества еще не присвоили себе активно те полномочия, которыми они наделяли свергнутые власти" (184; курсив Маркса и Энгельса, 1848).

Анархистская практика и максималистская теория

До сих пор мы видели, как встреча Перлмана с анархизмом не только определила его антиавторитарную политику, но и обогатила его социальную теорию. Между строк своей пародийной, авангардистской политики Перлман разрабатывал концепцию господства в

смысле тотальности, представляя фетишизм общей динамикой, имеющей объяснительную силу по отношению к нескольким областям отчужденных сил: в частности, государству и капиталу, а также, в неявном виде, семье, религиозным и интеллектуальным институтам. Превосходя марксистский материализм, Перлман предлагает дифференцированный учет власти в качестве основы для социальной критики, что отражает не только его критический долг перед Вебленом и Миллсом, но и растущее взаимодействие с анархизмом, чьи идеологические базовые концепции он все чаще использует (см. Franks, Jun & Williams, 2018). Речь про обобщение Перлманом ключевой идеи Маркса об отчуждении как практике, причем труд больше не является краеугольным камнем объяснения, а лишь частным случаем власти, разнообразные формы которой отчуждаются через взаимосвязанные режимы господства и воспроизводящие их институты.

Перлман никогда не предложит более систематического изложения своей политической социологии. Концептуальный аппарат власти, отчуждения и персонификации слабо звучит в его поздних работах. Действительно, Хуба убедительно доказывает, что духовная политика ПЕПЛа построена на квазиманихейском дуализме. Первоначальное описание Левиафана ясно иллюстрирует его зависимость от людей-операторов, но также подается в виде ужасающей инопланетной силы, неостановимой в своей гонке к завоеванию и уничтожению планет. При всей своей силе этот однонаправленный, всепоглощающий рассказ - в основном обязанный концепции Жака Каматта о "бегстве капитала" (см. El-Ojeili 2014) - отходит от более раннего подхода Перлмана к фетишистскому воспроизводству и его потенциальной дезинтеграции на практике. В результате вопрос о социальных преобразованиях вновь ставится через непроходимый пролив между эдемскими истоками человечества и пустошью цивилизации. В итоге Перлман отождествляет революционный разрыв с экстатическим восторгом, побегом от одомашнивания в дикость.

Боб Блэк находит в "Руководстве" *"мало предвосхищения критики цивилизации"* в ПЕПЛе и "Проливе". Это, безусловно, относится и к технологическому прогрессу. Вторя опасениям Бога в "Забастовке", Велли предупреждает, что независимые рабочие, которые *"сеют семена анархии"*, будут *"распространяться по мере дальнейшего развития производительных сил"* (1974:249-250). Однако уже в "Руководстве" эта телеология постпрофицита прерывается авторитарным авангардом, позволяя государству возродиться в своей архаичной форме. Действительно, в "Руководстве" уже прослеживается широкий взгляд Перлмана на иерархическую цивилизацию и, в частности, его внимание к древней и неотъемлемой тенденции государства к колонизации и территориальному захвату - еще один возможный долг Кропоткину в его работах о Российской империи и раннем становлении государства в Европе (см. Kinna 2016: ch.4; Ince 2012). Я бы также предположил, что обилие античных и мифических тем в "Руководстве" - это указание Перлмана на диахроническую всеобщность его социальной критики, действующей во времени так же, как она действует синхронно во всей совокупности институциональных концентраций отчужденных человеческих сил. Наконец, центральная тема капитуляции перед отчужденными силами возвращается в повествование ПЕПЛ, где череда анархических восстаний сменяется государственными переворотами, а коренные народы подхватывают логику господства, даже сопротивляясь вторжению.

В целом, между ранними и поздними работами Перлмана больше преемственности, чем разрыва, как могут предположить некоторые из его примитивистских последователей. Однако его влияние на современный анархизм ни в коем случае не должно ограничиваться примитивистскими течениями. Хотя его поздние работы были частью поворота детройтской газеты Fifth Estate к критике мегамшины (Millett 2018; ср. Watson 1981), ранние работы и переводы Перлмана имели гораздо более широкое влияние. Максималистская критика господства всех режимов и институтов и соединение революционной политики с приверженностью коллективному и индивидуальному отчуждению успешно отразили пересекающиеся низовые мобилизации 80-х и 90-х годов и стали дискурсивной границей между анархизмом и марксистскими и либеральными левыми. К тому времени, когда движение альтерглобализма было в самом разгаре, "постлевые" анархисты также обратили эту критику на анархический платформизм, синдикализм и социальную экологию (Black 1998, Moore 2016, Jarach 1999, Landstreicher 2002), что вызвало напряженность, которая сохраняется и по сей день. Поэтому, хотя критика одомашнивания остается центральной для эко-анархизма и программ тотального освобождения, она опирается на более раннюю и более фундаментальную формулировку Перлмана об анархистском максимализме, которая лежит в основе анархистского возрождения последних десятилетий.

Вот вам и контекстуальная интерпретация работы Перлмана. В оставшейся части этого раздела я хотел бы перейти к более аналитическому подходу и поставить под сомнение модель власти Перлмана, а также то, как она в итоге упускает конституирующее насилие. Возвращаясь к дуальной модели в "Руководстве", мы видим две отличительные формы власти (производственная и общественная) с двумя отличительными фетишизированными формами (товар и офис), представляющими две отличительные ценности (обмен и легитимация) и, таким образом, являющимися частью двух аналитически отличительных областей (капитал и государство). В обоих случаях именно повседневная практическая деятельность (работа и послушание) воспроизводит отчуждение, отречение или отстраненность этих сил. Одна из проблем этого описания - его неполнота. Аккуратно выстраивая приведенную выше параллель, он умалчивает о том, какие (другие) силы отчуждаются при воспроизводстве семьи и религиозных/интеллектуальных институтов, которые, по мнению Перлмана, требуют равного внимания. По итогу, он не дает оснований для анализа первого порядка ни патриархата, ни идеологического производства.

Еще более важно, что в изложении Перлмана существует основная концептуальная проблема. В то время как производительная сила отчуждается в процессе труда, то, что, по его словам, отчуждается в государство, - это власть сообщества, *"власть индивидов коллективно решать методы, средства и цели своей социальной деятельности"* (1972: 17). Но в терминологии Перлмана производительная власть есть самовластие, которым индивид продолжает обладать на практике, даже если оно отчуждено в виде наемного труда, корвея или рабства. В отличие от этого, общинная власть (тривиально) принадлежит группе и полностью перестает осуществляться, если заменяется повиновением. Перлман здесь не очень точен - Велли говорит: государственная власть должна быть захвачена *"в течение краткого момента после экспроприации народом правящих классов"*, но до того, как народ *"обретет уверенность в своих собственных силах"* (184) - термин "силы" теперь применяется коллективно, становясь неотличимым от общинной власти. Несоответствие здесь более глубокое. Подумайте, что в отсутствие отчуждения *"методы, средства и цели"* социальной

деятельности, определяемые через общинную власть, также охватывали бы способы организации и распределения производительной силы. Следовательно, власть сообщества отменяется в той же мере в случае наемного труда, что и в случае легитимированного послушания.

Речь идет о подмене Перлманом координативной и коллективной формы власти второго порядка тем, что должно быть конституирующей самовластием первого порядка, соответствующим государству. В связи с этим возникает вопрос: какую "специфическую социальную власть" (18), кроме производственной, содержит государство в своей отчужденной форме? В противном случае мы остаемся без формы власти первого порядка, которая могла бы регулироваться через власть сообщества, но сегодня отчуждена именно как государственная власть, наравне с отчуждением производительной власти как товара и денег. Аргумент Велли о том, что государство готово заменить капитал в управлении производством, кажется практически создан для того, чтобы снять эту проблему. Каким бы убедительным он ни был, во времена Советского Союза этот аргумент лишь ослаблял определение модели.

Ответ - который, возможно, должен был быть очевиден для Перлмана - заключается в том, что власть специфически маскирует не способность организовывать жизнь (что также делают товары), а способность убивать и калечить. Хотя государственная власть всегда связана с производственным процессом, ее особое содержание заключается не в координирующих функциях, а в насильственной силе, лежащей в основе ее приказов. Перлман стремится подчеркнуть повседневное воспроизводство, но в итоге отстраняет насилие от его конституирующей роли:

“ Хотя многие приказы персонификации исполняются насильственными методами, предоставление легитимности не является результатом принуждения. Если бы власть персонификации основывалась только на насилии, персонификации не нужно было бы быть легитимной, чтобы выполнять свои команды... Насилие сопровождает власть, которой обладает персонификация, но не делает ее легитимной". (18)

Действительно, насилие не производит легитимацию. Но оно также не просто "сопровождает" ее насилие представляет собой институционализированную физическую силу, которая подкрепляет повиновение и возникает перед лицом сопротивления угрозам принуждения, что и продемонстрировали "Йиппи". Однако, работая в обратном направлении от фетишизированных форм власти, Перлман фактически путает эмпирическую частоту с аналитическим порядком. Хотя легитимация является наиболее распространенным источником повиновения, она не является его окончательной гарантией.

Это не только анархистское и веберинское понимание; даже Энгельс (в минуту откровенности) дефинирует государство *"институтом общественной силы, больше не идентичной непосредственной организации народа как вооруженной силы... Чиновники теперь представляют себя органами общества, стоящими над обществом... представители власти, которая отчуждает их от общества"* (1972; pp. 229-230). В рамках синтеза, к

которому, похоже, стремится Перлман, диада продуктивной и общественной власти имеет гораздо меньше смысла, чем диада продуктивной и деструктивной (или насильственной) власти, регулируемой либо через общественную власть, либо через их соответствующие процессы отчуждения. И та, и другая представляют собой "самовластие индивида" (31), независимо от того, использует ли он их в контексте самонаправленного сообщества или как часть своего функционирования в процессе отчуждения. К продуктивно-насильственной диаде мы можем теперь добавить второе, регулятивное измерение, варьирующееся от полной власти сообщества до полного захвата фетишизированными социальными формами.

Хотя эта аналитическая поправка может усилить концептуальную связность счета Перлмана, сама диадическая структура явно ограничена: как по охвату, не позволяя учесть гендер, религию и т. д.; так и по чрезмерной определенности, когда ее аккуратность заслоняет пути между властями и институтами, которые она описывает. Тем не менее, приведенное выше обсуждение уже демонстрирует возможность рассматривать идеологическое выражение Перлмана как существенную основу для отчетливо анархистской политической социологии. Непосредственно продвигая антипредставительную практику, его подход дает анархистам зачатки собственной последовательной линзы, с возможностью анализировать внутрискруктурные концентрации власти и пересекающиеся через них режимы господства. Таким образом, он выполняет двойную работу - объясняет динамику власти и обосновывает политику прямого действия. Важно, что Перлман не отдает аналитического первенства ни одному из этих институтов и режимов, тем самым предлагая синтез с более новыми теориями межсекторальной, репродуктивной и государственной власти (Pritchard 2021, Angulo 2019, Laurson 2021), а также деколониальными и тотально освободительными повестками дня (Black Seed 2021; Nocella et al. 2015). Вопрос о том, может ли подобного рода синтез действительно послужить основой для социальной борьбы, остается открытым.

Заключение

Творчество Фреда Перлмана остается богатым для изучения. Давно назрело признание его новой фигурой в анархистском цинизме, и эта статья лишь поверхностно коснулась его объемной и разнообразной деятельности. В настоящее время Лоррейн Перлман готовит к публикации второй, неоконченный том "Пролива". Многие еще предстоит написать о литературной трактовке Перлманом революционной политики и лояльности в "Letters of Insurgents", о его последующем взаимодействии с экофеминистской и деколониальной критикой, о его противоречивых отношениях с еврейским наследием и Холокостом, а также о его быстро меняющемся визуальном языке. Архивы Перлмана, к которым у меня не было доступа, могут дать новое представление обо всем этом.

Творческие таланты Перлмана были настолько разнообразны, а его выразительные фонтаны настолько индивидуальны, что он не находил причин для специализации. Один за другим он осваивал научную дисциплину или жанр выражения и переходил к чему-то другому. Если бы он прожил дольше, возможно, ему удалось бы вернуться к более систематическому изложению своей социальной теории, но, учитывая его личные и интеллектуальные трансформации, это сомнительно.

Надежды, которые Фреда испытывал в 1968 году, рассеялись в последующие десятилетия, а его горячее желание принять участие в коллективных усилиях по ликвидации репрессивных социальных институтов осталось нереализованным. Его поиски подходящего агентства для социальных изменений также не увенчались успехом. Тем не менее он оставался верен этим целям в личной жизни и интеллектуальных проектах. Он с сочувствием и вниманием изучал попытки самых разных сопротивленцев, использовал свои порывы к мастерству для создания привлекательных публикаций, надеясь через них общаться с... (по словам [героини "Letters of Insurgents"] Софии) "себе подобными". (Perlman 1989:139)

Сегодня ранние работы Перлмана передают его постоянную озабоченность тем, что мы ежедневно воспроизводим сложные режимы господства, а также его неизменную веру в силу массовых восстаний, открывающих путь к сообществу и взаимопомощи. Обе эти темы крайне важны и должны оставаться в центре нашего внимания, пока продолжается планетарный коллапс. Как бы мы ни опаздывали избежать биосферных последствий изменения климата, потери экосистем и токсичного загрязнения, мы все равно можем бороться за то, чтобы противостоять этим последствиям в рамках свободных человеческих обществ, основанных на равенстве и солидарности.

Литература

Angulo, Silvia. *The Feminist Third Wave: Social Reproduction, Feminism as Class Struggle, and Contemporary Women's Movements*. California State University, Los Angeles, 2019.

Artnoose. 2014. *Love & Letters of Insurgents*. Fifth Estate 392

Arshinov, Peter. 1974/1923. *History of the Makhnovist Movement*. Detroit: Black & Red

Aubert, Danielle. 2019. *The Detroit Printing Co-op*. Los Angeles: Inventory Press

Black, Bob. 1998. *Anarchy After Leftism* (San Francisco: CAL Press)

Black, Bob. 2004. *We Have Met the Enemy and They are Us*. *Social Anarchism* 36

Black Seed. 2021. *Not on Any Map*. Berkeley: Black Seed

Blauvelt, Andrew. 2016. *All Printing Is Political*. *The Gradient*, Dec.6

Boldyrev, Ivan and Martin Kragh. 2015. *Isaak Rubin: Historian of Economic Thought during the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia*. *Journal of the History of Economic Thought* 37.3:363–386

Cafard, Max. 1996. *The Dragons of Brno*. Fifth Estate 347

Camatte, Jacques. 1976. *The Wandering of Humanity*. Detroit: Black & Red

Cohen, Mitchell. 2009. *Out In Front of a Dozen Dead Oceans*. Brooklyn: Red Balloon

Dauvé, Gilles (Jean Barrot) and François Martin. 1974. *Eclipse and Re-emergence of the Communist Movement*. Detroit: Black & Red

Debord, Guy. 1970. *Society of the Spectacle*. Detroit: Black & Red
el-Ojeili, Chamsy. 2014. 'Communism... is the affirmation of a new community': Notes on

Jacques Camatte. *Capital & Class* 38.2:345–364
el-Ojeili, Chamsy and Dylan Taylor. 2020. 'The Future in the Past': Anarchoprimitivism and the Critique of Civilization Today. *Rethinking Marxism* 32.2:168–186

Firth, Rhiannon and Andrew Robinson. 2020. Robotopias: mapping utopian perspectives on new industrial technology. *International Journal of Sociology and Social Policy* 41:3/4:298–314

Franks, Benjamin. 2020. *Anarchisms, Postanarchisms and Ethics*. Rowman & Littlefield.

Franks, Benjamin, Nathan Jun and Leonard Williams, eds. 2018. *Anarchism: a conceptual approach*. London: Routledge

Geras, Norman. 1971. Essence and appearance: aspects of fetishism in Marx's *Capital*. *New Left Review* 65.1–2:69–85

Gordon, Daniel. 2011. Reaching Out to Immigrants in May 68: Specific or Universal Appeals? In *May 68: Rethinking France's Last Revolution*, eds. Julian Jackson, Anna-Louise Milne & James S. Williams. Palgrave Macmillan. pp. 93–108

Gordon, Uri. 2018. *Prefigurative Politics Between Ethical Practice and Absent Promise*. *Political Studies*

Gregoire, Roger and Fredy Perlman. 1969. *Worker-Student Action Committees*. Detroit: Black & Red.

Huba, Mark. 2015. *The Other Shore: On Politics and 'Spirit' in Fredy Perlman's Against Hisstory, Against Leviathan*. PhD, Monash University.

Ince, Anthony. 2012. In the Shell of the Old: Anarchist geographies of territorialisation. *Antipode* 44.5:1645–1666.

Jarach, Lawrence. 1999. Anarchists, Don't let the Left(overs) Ruin your Appetite. *Anarchy AJoDA* 48

Kinna, Ruth. 2016. *Kropotkin: Reviewing the Classical Anarchist Tradition*. Edinburgh University Press.

Kropotkin, Peter (1903/1969) *Modern Science and Anarchism*. In *Selected Works*. London: Freedom Press

Landstreicher, Wolfi. 2002. From Politics to Life: Ridding Anarchy of the Leftist Millstone, *Anarchy AJoDA* 54

- Laursen, Eric. 2021. *The Operating System: An Anarchist Theory of the Modern State*. Oakland: AK Press
- Lee, Unruh. 2010. Reading 'Letters of Insurgents' 34 Years After its Publication. *Fifth Estate* 383
- Lefebvre, Henri. 2014 (1947, 1962, 1981). *Critique of Everyday Life*. London: Verso.
- Lefebvre, Henri. 2009a (1940). *Dialectical Materialism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Lefebvre, Henri. 2009b (1966). Theoretical Problems of Autogestion. In *State, Space, World*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp.138-152.
- Lenin, Vladimir. 1917. Letter to the Central Committee. In *Collected Works v.26*. Moscow: Progress Publishers
- Malatesta, Errico. 1899/2014. *An Anarchist Programme*. In *The Method of Freedom*, ed. Davide Turcato. Oakland: AK Press.
- Mills, C. Wright. 1942. Locating the Enemy: The Nazi Behemoth Dissected (Review of Franz Neumann, *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism*). In *Power, Politics and People*, pp. 170-178.
- Mills, C. Wright. 1946/2009. *From Max Weber: Essays in Sociology*. London: Routledge
- Millett, Steve. 2004. Technology is Capital: Fifth Estate's critique of the Megamachine. In Jonathan Purkis and James Bowen, eds., *Changing Anarchism*. Manchester University Press, pp.73-98
- Moore, John. 1995/2016. Prophets of the New World: Noam Chomsky, Murray Bookchin, & Fredy Perlman. In *Anarchist Speculations*. Berkeley: Ardent Press. pp.343-366
- Moore, John. 1998/2016. Maximalist Anarchism/ Anarchist Maximalism. In *Anarchist Speculations*. pp.9-14
- Musto, Marcello. 2015. The 'Young Marx' Myth in Interpretations of the Economic-Philosophic Manuscripts of 1844. *Critique* 43.2:233-260
- Nocella, Anthony, Richard White and Erika Cudworth, eds. 2015. *Anarchism and Animal Liberation: Essays on complementary elements of total liberation*. Jefferson, NC: McFarland
- P. R. 2020. *The self-abolition of the proletariat as the end of the capitalist world*. Quito: Proletarios Revolucionarios
- Perlman, Fredy and Lorraine Perlman. 1968a. *Black & Red 2*: Chicago, 1968

- Perlman, Fredy and Lorraine Perlman. 1968b. Black & Red 4: We Called a Strike and No One Came
- Perlman, Fredy. 1969a. The Reproduction of Daily Life. Detroit: Black & Red
- . 1969b. The Incoherence of the Intellectual: C. Wright Mills' Struggle to Unite Knowledge and Action. Detroit: Black & Red
- . 1970. Essay on Commodity Fetishism. Telos 6:244-273
- and Lorraine Perlman (as M. Velli). 1972/1974. Manual for Revolutionary Leaders. Detroit: Black & Red
- Perlman, Fredy. 1976. Letters of Insurgents. Detroit: Black & Red
- . 1979. Progress and Nuclear Power. Fifth Estate 14.2
- . 1982. Anti-Semitism and the Beirut Pogrom. Fifth Estate 17.3
- . 1983. Against His-story, Against Leviathan! Detroit: Black & Red
- . 1984. The Continuing Appeal of Nationalism. Fifth Estate 19.4
- . 1988. The Strait. Detroit: Black & Red
- Perlman, Lorraine. 1989. Having Little, Being Much: A Chronicle of Fredy Perlman's Fifty Years. Detroit: Black & Red
- Poynton, Darren. 2018. Introduction to The Machine and its Discontents: A Fredy Perlman Anthology. London: Theory and Practice / Active Distribution
- Pritchard, Gareth. 2021. Modelling Power in Anarchist Perspective. Anarchist Studies 28.1:9-32
- Proletarios Revolucionarios. 2020. The self-abolition of the proletariat as the end of the capitalist world. Quito: P. R.
- Rubin, Issak Illich. 1971. Essays on Marx's Theory of Value, trans. Miloš Samardžija and Fredy Perlman. Detroit: Black & Red
- Scott, James. 2017. Against the Grain. Yale University Press
- Tucker, Kevin. 2017. Introduction to Fredy Perlman, Anything Can Happen. Salem, MO: Black and Green
- Watson, David. Against the Megamachine. Fifth Estate 306, July, 1981
- . 1997. Homage to Fredy Perlman. In Against the Megamachine. Brooklyn: Autonomedia

Wengrow, David and David Graeber. 2015. Farewell to the 'childhood of man': Ritual, seasonality, and the origins of inequality. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 21.3:597-619.

Zerzan, John. 1974/1999. Organized Labor versus 'The Revolt Against Work'. In *Elements of Refusal*. Columbia, MO: Paleo Editions, pp.185-198.

Примечания

1 Это последний раз, когда я обнаружил, что Перлман использует "мужчина" и "мужчины" в общем смысле. Можно было бы еще много написать о том, как он все чаще использует женские местоимения и протагонистов, а также о его более позднем взаимодействии с эко-феминизмом.

2 Это убедительно свидетельствует о том, что именно название книги Неймана, а не только Гоббса, вдохновило Перлмана на более поздний выбор "Левиафана". Утверждение Миллса находит отклик на первых страницах ПЕПЛ, где Перлман, находясь под сильным влиянием Солженицына, намеренно стирает различия между современными обществами потребления, неолитическими рабовладельческими государствами и советской системой ГУЛАГа.